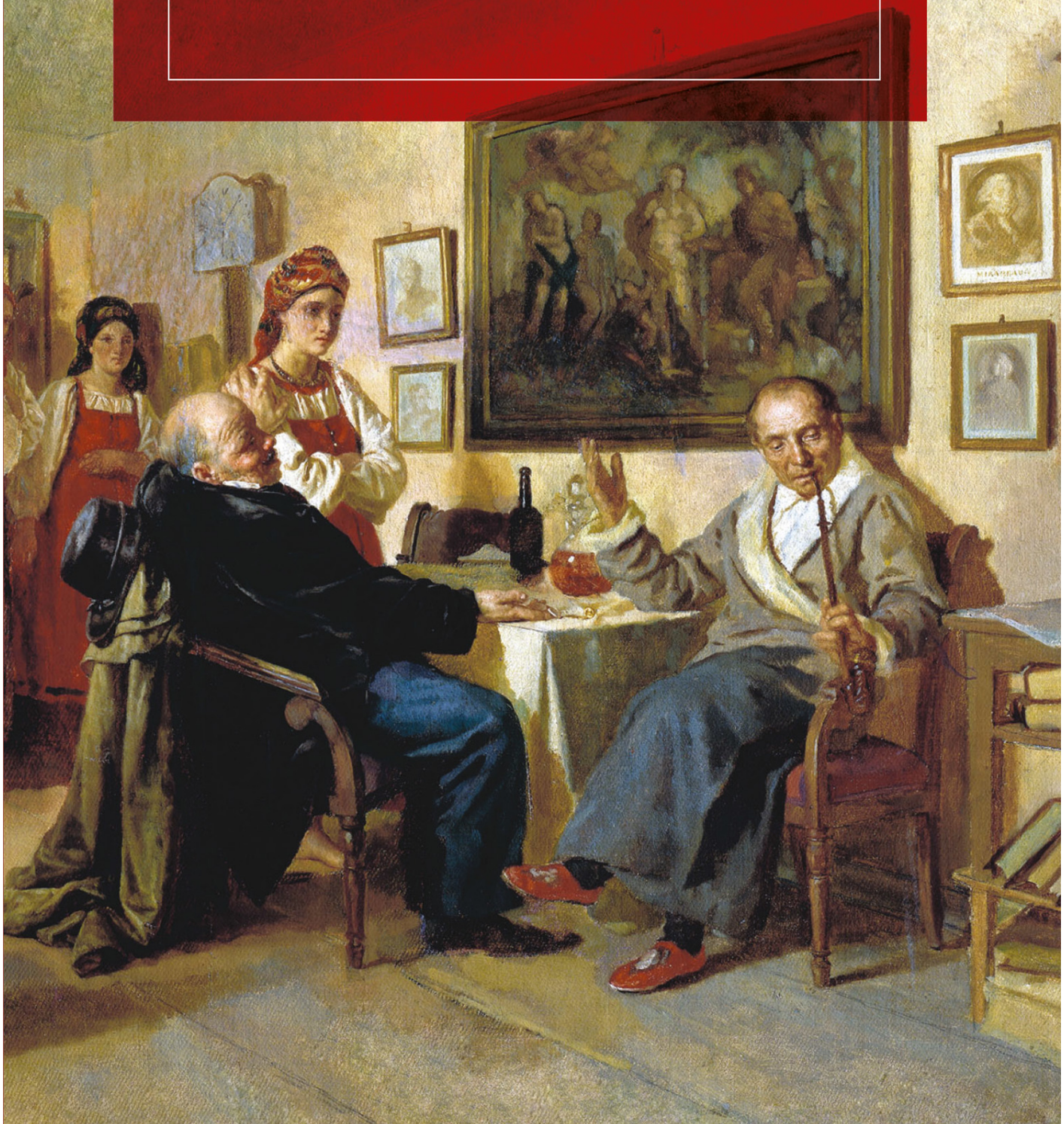
Е. Н. Щепкина

СТАРИННЫЕ ПОМЕЩИКИ

НА СЛУЖБЕ И ДОМА



Екатерина Щепкина

Старинные помещики на службе и дома. Из семейной хроники Андрея Тимофеевича Болотова (1578–1762)

«Кучково поле»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

Щепкина Е. Н.

Старинные помещики на службе и дома. Из семейной хроники Андрея Тимофеевича Болотова (1578–1762) / Е. Н. Щепкина — «Кучково поле»,

ISBN 978-5-9950-0646-6

Книга «Старинные помещики на службе и дома» – это расшифровка и разъяснение знаменитых «Записок» С. Т. Болотова, выполненные в конце XIX в. Е. Н. Щепкиной, историком-исследователем и великолепным популяризатором исторической науки. Пользуясь указаниями самого автора, Щепкина обобщила различные исторические документы, дополнила рассказ Болотова, пересказала и прокомментировала текст его «Записок», внеся в них документальную ясность.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-9950-0646-6

© Щепкина Е. Н.
© Кучково поле

Содержание

Страницы жизни и «драгоценнейших писаний» Андрея Тимофеевича Болотова 6
От автора 14
Старые поколения 15
Поколение эпохи преобразований 34
Воспитание в XVIII веке 47
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Екатерина Николаевна Щепкина Старинные помещики на службе и дома: Из семейной хроники Андрея Тимофеевича Болотова (1578–1762)

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 годы)

Страницы жизни и «драгоценнейших писаний» Андрея Тимофеевича Болотова

Целые десятилетия англичане почти не читали Шекспира – просто не понимали. Язык великого драматурга и поэта с годами все больше и больше отличался от их собственного. Только в середине XIX века сестра и брат Анна и Чарльз Лем прозой пересказали пьесы Шекспира современным им английским языком. И с той поры Великий бард стал постепенно превращаться в объект массовой культуры – английское «наше все».

Нечто похожее, хотя, разумеется, в самых скромных размерах и с обязательным еще недавно классовым подтекстом, случилось и в России. Имя нашего героя – Андрей Тимофеевич Болотов, признанный теперь первым русским ученым-энциклопедистом (7 октября 1738 – 3 октября 1833 ст. ст.). Жил он преимущественно в XVIII столетии, написал свой главный труд – знаменитые «Записки» – на рубеже века XIX, но уже к началу XX века понятен был в основном специалистам-историкам. Язык, герои и образы сочинений Болотова и сейчас воспринимаются читателем без труда, а вот исторические реалии его описаний требуют расшифровки, точнее – подробных разъяснений. Ведь даже за первые сто лет, прошедшие после смерти Андрея Тимофеевича, образ жизни русского человека претерпел большие изменения. Появление на страницах книги какой-нибудь ксандрейки ставит читателя в крайне затруднительное положение. Слово вроде бы знакомо, но что оно означает? На самом деле это всего лишь предмет женской одежды, просто давно вышедший из употребления. А что уж говорить о каких-нибудь юридических терминах дворянского землевладения? Тут и сухопутный дворянин-феодал станет плавать без помощи приказного, не то что читатель.

За расшифровку и разъяснение «Записок» Андрея Тимофеевича Болотова в конце XIX века взялась Екатерина Николаевна Щепкина (1854–1938) – скромный петербургский историк-исследователь и великолепный популяризатор исторической науки. Пользуясь небольшими указаниями самого Болотова, она подобрала по архивам разного рода исторические документы, ему самому чаще всего недоступные, а то и вовсе незнакомые, которыми дополнила рассказ Андрея Тимофеевича, а заодно пересказала и прокомментировала обширный текст «Записок», закончив свои исторические изыскания моментом выхода их автора в отставку. Щепкина, прежде всего, внесла документальную ясность в описание ряда семейных событий в жизни Болотовых, о которых сам Андрей Тимофеевич имел весьма смутное представление, основанное преимущественно на родовых преданиях, тогда как Щепкина нашла архивные документы, частью недоступные уже нашим современным исследователям. Так возникла книга «Старинные помещики на службе и дома».

Когда-то она вызвала немалый читательский интерес, но… известного рода исторические обстоятельства за целое столетие, прошедшее после выхода книги в свет, так и не позволили появиться ее переизданию. Кстати, нет в нашей стране и переиздания полного текста «Записок» Болотова, доступного широкому кругу читателей… В свет выходят только сильно сокращенные издания с большими купюрами, что тоже находит свое идеологическое объяснение. В первые послереволюционные годы троцкисты-литературоведы умело обрезали текст «Записок», дабы выпятить одни обстоятельства и факты и спрятать другие.

Екатерина Николаевна Щепкина, автор «Старинных помещиков», принадлежала к числу первых русских женщин-историков. Однако для истории России оказалось много важнее то, что сама она была одной из первых русских феминисток, пламенным борцом за равноправие женщин.

Екатерина Николаевна родилась на Волге, в Саратове, но большую часть жизни провела на берегах Невы. Главным, а после революции и вовсе единственным ее занятием, стала преподавательская деятельность. Ей, особе суховатой, а по временам и вовсе жесткой, такой род занятий явно доставлял удовольствие. Екатерина Николаевна, подобно простой учительнице из земской школы, умела и разжевать, и заставить проглотить необходимый ученикам и особенно ученицам объем знаний. Учительский дар, теперь все реже и реже встречающийся в высокоумном педагогическом сообществе.

Как водится в дамской среде – и самой передовой, и самой отсталой – еще до революции в печати вполне на кухонный манер поругались две видные сторонницы женского равноправия. При большевиках Екатерине Николаевне эта ссора стоила права печататься. Ее противницей оказалась генеральская дочка по фамилии Домонтович, впоследствии более известная как товарищ Коллонтай. Всесильная большевистская комиссарша первых послереволюционных лет, а потом мелкий советский дипломат, выставлявшаяся официально советской пропагандой скорее в виде знамени живой ленинской гвардии, нежели бывшая реально действующим политическим деятелем.

За такое ли женское равноправие боролась до революции госпожа Щепкина – сказать сложно, но ссора с видной болыиевичкой-ленинкой дорого обошлась Екатерине Николаевне. Постепенно ее публикации, до революции весьма частые, в свободной Советской России сходят на нет. Даже дата ее смерти в некоторых источниках приводится со знаком вопроса. Откровенным «врагом народа», подобно многим другим, более известным Щепкиным, Екатерина Николаевна вроде бы не стала. Ее просто и без затей признали буржуазной «умной ненужностью» вкупе с ее же старорежимными сочинениями и откровенно позабыли. Не помогло даже мнимое родство с великим актером-демократом из бывших крепостных.

Запоздалая слава пришла к Щепкиной лишь с возрождением в России капитализма и его верного спутника – феминизма. Публикации Екатерины Николаевны по женскому вопросу стали перепечатываться разного рода новыми женскими общественными объединениями и организациями. Исторические труды Щепкиной мало кого интересовали. Ее собственная жизнь и судьба, похоже, тоже.

Историю мелкопоместных русских дворян вроде Болотовых проследить и сегодня довольно сложно, хотя и легче, чем простых крепостных крестьян. Правда, сравнительно недавно вышло в свет историко-родословное исследование потомка Андрея Тимофеевича – А. Л. Толмачева «Коширские Болотовы», так в ней на старый лад именуется современная подмосковная Кашира, прежде относившаяся к Тульской губернии. До революции архивы, где хранились документы по землевладению, оставались еще действующими – цари так и не решились отменить земельную собственность ни помещиков, ни, позднее, капиталистов. Это обстоятельство явно несколько облегчило работу Щепкиной, а вот все, что относилось непосредственно к самому Андрею Тимофеевичу, к его многогранному творчеству, оказалось доступно Екатерине Николаевне значительно в меньшей степени. Потому-то, вероятно, творческая «дружба» Щепкиной и Болотова продлилась так недолго. Екатерина Николаевна закончила свое исследование жизни Андрея Тимофеевича на момент его ухода с военной службы и переезда в крохотную провинциальную усадьбу Дворяниново. Казалось бы, тут, в глубокой и глухой провинции, все устремления и чаяния Андрея Тимофеевича должны были заглохнуть «в глуши забытого селенья» и найти забвение на дне бутылки. Вместо этого начался подлинный взлет Болотова – ученого, садовода, естествоиспытателя, бытописателя, исследователя и внимательного наблюдателя природы, а равно и человеческого бытия.

Современные исследователи смогли дополнить работу Щепкиной одной весьма любопытной деталью, что, надо полагать, уже при жизни Болотова отошла в область давних семейных преданий «старины глубокой», и отошла довольно далеко, так что о ней старались без

особой надобности не вспоминать. Эта деталь рассказывает о самом раннем времени в истории будущего дворянского рода Болотовых. Известно, что приукрасить свои фамильные прозвища старалось немалое количество представителей дворянских родов – как известных, так и не очень. К последним относились и Болотовы. Все же именоваться в честь безвестного болота, где живут исключительно лягушки и кикиморы-шишиморы – удовольствие не слишком большое, а если его помножить на пресловутые дворянские честь и спесь, то получится смесь не очень приятного разлива. Вот как-то раз Болотовы и решили несколько приукрасить свою фамилию. Ведь в оригинале она могла звучать как Балотов, то есть при «акании» ударение приходилось на первый слог.

Свидетельство тому нашлось на фамильном кладбище в тульском селе Русятино, где погребен и сам Андрей Тимофеевич. Балотовым назван его двоюродный племянник коллежский регистратор Андрей Михайлович (1776–1830); в надгробной надписи явно вкралась опечатка из разряда «как слышится, так и пишется». Это обстоятельство уточняет правильное, а не традиционное ударение в фамилии – Болотов.

В тюркских именах Болоте и Балоте соединилось несколько филологических проблем. Многие предки русских дворян перешли на русскую службу из Орды, с востока. Перешли, естественно, с тюркскими именами, от которых уже и пошли их русские фамилии – Лев Турген, к примеру, стал родоначальником Тургеневых, но Ивана Сергеевича, равно как и его однофамильца Николая Ивановича, никак не назовешь татарским писателем или декабристом. Обрусели. Болотовы, с ударением и на первый, и на второй слоги, происходят от тюркских предков по имени Болот, Балот или даже много более благозвучный Булат, ставший родоначальником тоже русских дворян, Булатовых. Кстати, имена эти по сию пору остаются в речевом обиходе восточных народов и никаких особых филологических споров не вызывают, тогда как во времена Андрея Тимофеевича правильное ударение не единожды становилось предметом для выяснения отношений, даже в стихах, правда, не особенно звучных. Такое вот начало биографии, отсутствующее в сочинениях самого Болотова.

Сам он считал, что наибольшее влияние на формирование его как человека эпохи оказали отец и книги. Юный Андрей стал читать их по примеру отца, которого потерял двенадцати лет от роду. Родитель засадил его за русскую грамоту с шести лет. Затем последовали немецкий и французский языки, основы самых разных наук и рисование. Будущий ученый-энциклопедист не получил привычного даже для тех времен систематического образования, но главное оказалось в другом. Он обрел любовь к каждодневному умственному труду, к пополнению запаса знаний. Уже в глубокой старости, потеряв слух и зрение, Андрей Тимофеевич с помощью окружающих все также активно интересовался происходящими событиями, получаемыми новинками литературы. Он никогда не унывал и старался не быть в тягость близким.

Болотов, в отличие от отца-полковника, не сделал карьеры – ни военной, ни государственной, хотя шансы к тому выпали ему не единожды. Не старался Андрей Тимофеевич и разбогатеть, хотя его небольшое крепостное сельское хозяйство было поставлено образцово, и если бы он торговал не только излишками… Даже сочинения свои Болотов печатал анонимно, без подписи и без гонорара. Пушкинское «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» осталось ему незнакомо. При этом Андрей Тимофеевич исписывал горы бумаги, выступал не только автором, но и редактором обширных периодических изданий. Увы, громадное число его многотомных сочинений осталось в рукописях. Да, не все они равнозначны, не все являются первоисточниками, многое в них основано на тщательно собранных слухах, но… Историческая наука сплетен не любит. Это удел любознательного читателя, которому доступ в архивохранилища закрыт.

Началась жизнь Андрея Тимофеевича с военной службы, когда отец записал его рядовым в Архангелогородский пехотный полк десяти лет от роду. При этом отец прибавил сыну год, что позднее стало причиной многочисленных служебных неприятностей и того, что Боло-

това обошли первым офицерским чином. Вступив в действительную службу почти недорослем, Андрей Тимофеевич уже в девятнадцать лет стал участником Семилетней войны. В 1758 году Архангелогородский полк стоял в Кенигсберге. В те времена грамотный офицер, способный к серьезной штабной работе, являлся редкостью, а Болотов и тогда уже выделялся на общем далеко не самом блестящем фоне полковых офицеров. В это время он пробовал себя в литературной работе и даже выступал на подмостках любительского театра – получал навыки культурной жизни, позднее очень пригодившиеся в жизни провинциальной. У него появились небольшая собственная библиотека и альбомы с собственноручными рисунками.

В 1762 году Андрей Тимофеевич без всякого знакомства стал флигель-адъютантом петербургского генерал-полицмейстера Корфа, приехал на берега Невы. Один из братьев Орловых, будущих графов, – Григорий, знакомец еще по Кенигсбергу, позвал Болотова принять участие в заговоре с целью возведения на престол императрицы Екатерины Великой. Чины, деньги и звания сыпались в ту пору, как из рога изобилия. Вот она, прямая дорога к богатству и славе, но… 14 июня 1762 года Андрей Тимофеевич ушел в отставку, воспользовавшись указом еще Петра III «О вольности дворянства». Ведь до той поры дворянин был подобен крепостному. Сорок лет – хочешь не хочешь – полагалось отдать государственной службе.

3 сентября 1762 года Андрей Тимофеевич прибыл в каширское имение отца Дворяниново, где за 12 лет устроил превосходное хозяйство. Своими опытами в сельскохозяйственной деятельности он активно делится с «Вольным экономическим обществом», вступив с его секретарем, а потом и президентом А. А. Нартовым в деятельную переписку. За свои труды Болотов трижды удостаивался наград общества. Нартов в 1774 году рекомендовал Андрея Тимофеевича управляющим собственных имений императрицы Екатерины Великой в Киясовской волости. Спустя два года Болотов получил в свое управление обширную Богородицкую дворцовую волость, которую царица приобрела для юного графа Алексея Григорьевича Бобринского – своего любимого сына, который в силу обстоятельств только и мог, что претендовать в будущем на управление этой волостью.

В Богородицке раскрылись многие таланты Болотова – архитектора, рисовальщика, градостроителя, садовода, мастера ландшафтной архитектуры, наконец, организатора сельскохозяйственного производства. Его трудами восхищалась лично императрица, причем восхищалась искренне – смысла льстить наемному управляющему не было.

2 сентября 1779 года Болотов познакомился в Москве с издателем Николаем Ивановичем Новиковым и с той поры стал одним из самых деятельных его сотрудников. Новиков пытался было привлечь Болотова к торговле книгами, но это предприятие успеха не имело, тогда как собственные многочисленные сочинения Андрея Тимофеевича приносили Новикову немалый барыш. Болотов старался почаще приезжать в Москву. Задушевные беседы с Николаем Ивановичем очень привлекали Андрея Тимофеевича. Не сходились они только в одном – Болотов выступал резко против масонства, тогда как Новиков считался в Москве главным и весьма активно действующим лицом сообщества «вольных каменщиков».

Смерть императрицы Екатерины II и переход Богородицка в собственность графа Бобринского заставили Андрея Тимофеевича выйти в отставку и вернуться в Дворяниново. В это время главным событием его жизни стал 1803 год, проведенный им в Петербурге по делам земельной тяжбы с соседом Пашковым. Собственно, Андрей Тимофеевич на государственной службе ничего не наворовал и жил только с этой земли в Тамбовской губернии, которую захватил сосед. Труды и деятельность Болотова к тому времени были уже хорошо известны не только в России, но и за ее пределами. Андрея Тимофеевича избрали в почетные члены иностранных ученых обществ, а потому не было ничего странного в том, что его, разумеется, по рекомендации друзей, принял сам император Александр Благословенный. Царь, не мудрствуя лукаво, просто подарил ему соседние земли.

О Болотове писать – не переписать. Театр, педагогика, стихотворчество, сельское хозяйство, живописное искусство, архитектура и еще множество ученых занятий Андрея Тимофеевича никак не поместились на этих страницах. Кажется, даже в собственных его «Записках» удалось написать далеко не обо всем. «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» были начаты в Богородицке в 1789 году. Работа над ними продолжалась несколько десятилетий, поскольку производилась не враз, а прерывалась созданием других трудов.

В заглавие своих знаменитых «Записок» Андрей Тимофеевич вставил слово «приключения», хотя на самом деле приключений на его долгую жизнь выпало совсем немного. Он рано осознал свое призвание ученого-естествоиспытателя, а немного позднее призвание летописца – бесстрастного фиксатора, «списателя» событий современной ему жизни. XVIII столетие, век Просвещения, требовал от писателя именно просвещать, а равно и воспитывать. Поэтому Андрей Тимофеевич и взялся за «Записки», которыми старался дать своему многочисленному прямому потомству определенный нравственный урок, проще говоря – научить их жить. Ведь текст «Записок» не предназначался для публикации. Его следовало читать исключительно в семейном кругу, но, к счастью для всех нас, этот завет Болотова оказался нарушен.

Спустя менее полувека после смерти автора его «Записки» наконец увидели свет в журнале «Русский архив» П. И. Бартенева, а затем вышли отдельным изданием в четырех частях (1870–1873). К сожалению, семейство Болотовых относилось к наследию знаменитого предка с известной долей пренебрежения, если выразиться мягко. Часть его громадного архива оказалась безвозвратно утрачена, и, что особенно жалко, пропали заключительные части «Записок», доведенные до событий Отечественной войны 1812 года. Теперь, надо полагать, навсегда. Опубликованный текст воспоминаний заканчивается 1795 годом.

Громадный архив Андрея Тимофеевича оказался распылен и разрознен по нескольким государственным архивохранилищам страны. Время от времени появляются сообщения о прямых и настоящих потомках Болотова, но похоже, что исторические обстоятельства лишили их всего, что связано со знаменитым предком; по крайней мере, его замечательных бумаг. Надежды найти у них что-то «новенькое о стареньком», увы, призрачны. При этом любопытно, что двое внуков Андрея Тимофеевича по линии сына Павла и по меньшей мере двое правнуков, их сыновей, имели самое непосредственное отношение к литературе; на собственном примере знали ценность слова, хотя бы собственного или только собственного творчества. Среди потомства дочерей Андрея Тимофеевича имелись даже профессиональные архивисты высокого класса. Однако сохранности семейного архива и это обстоятельство помогло не особенно.

В советское время к Болотову-ученому, а не мемуаристу-феодалу, обратились лишь в 1940-е годы, после долгого забвения, когда очередная мировая война стала подступать к порогу социалистического дома, оборонять который ради «пролетарского интернационализма» охотников оказалось немного. Народ полагалось привлекать и воодушевлять иными героями. Тогда постепенно начал складываться «феномен Болотова». Андрей Тимофеевич превратился из «типичного помещика-крепостника» в героя и популярных брошюр, и серьезных научных трактатов, и музейных экспозиций, и живописных полотен. Жизни и трудам Болотова посвятил великолепную художественную книгу известный писатель Валерий Николаевич Ганичев. Она стала своеобразной вершиной широко отмечавшегося в стране 250-летия со дня рождения ученого-энциклопедиста. Четверть века спустя, в начале нового тысячелетия, 275-летие Болотова прошло почти незаметно. При возрождающемся капитализме уже не до героев прошлого; они не помещаются в рейтинги.

Андрей Тимофеевич Болотов прожил долгую и, можно сказать, счастливую жизнь, которую сам тщательно устраивал и благоустраивал. Пятеро детей, доживших до зрелых лет, –

четыре дочери и любимый сын Павел – казалось, понимали, что их отец являл собою человека, выходившего из разряда ординарных. Его наследие вроде бы стоило сохранять, но… Десять лет спустя после смерти Андрея Тимофеевича его любимое Дворяниново пошло с молотка. Заглох знаменитый парк, порушились без присмотра беседки и мостики, тиной и болотиной затянуло болотовский каскад прудов. А ведь здесь каждый уголок представлял собою тщательно продуманную и выпестованную картину природы. Хваленой дворянской чести не хватило на поддержание даже скромной усадебки, которая требовала для того самых незначительных вложений и просто заботливых хозяйских рук. С середины XIX века и до октября 1917 года в Дворянинове сменился десяток владельцев, по большей части равнодушных к истории и прекрасному. Оказался среди них и небольшой монастырек, тогда как собственное потомство Болотова тянуло к размаху – в Оптину пустынь и Шамордино. Настоятельницей Шамордина монастыря, одной из крупнейших женских обителей в начале XX века, стала правнучка ученого-энциклопедиста. Надо отдать ей должное; железной рукой она великолепно наладила обширное монастырское хозяйство, которое многие десятилетия не смогли порушить ни девичьи склоки, ни пресловутые комбеды, ни колхозы с совхозами.

«Хозяева новой жизни», большевики, смотрели на Андрея Тимофеевича Болотова исключительно как на барина-паразита и помещика-кровопийцу. Они окончательно порушили все то, что еще сохранялось в болотовской усадьбе. О «русском энциклопедисте» следовало накрепко забыть, как и вообще забыть о «проклятом прошлом» России.

Даже знаменитые «Записки» Андрея Тимофеевича при большевиках стали издаваться в весьма урезанном виде, хотя они нехотя и признавались ценным историческим источником. Сочинения Болотова, вызывавшие в XIX столетии неподдельное восхищение читателей, в 1920-е годы попали в руки умелых проводников троцкистских идей. Издательство «Academia» не могло пройти мимо них, а его редакторы не могли не поглумиться над обширными и, в общем-то, бесхитростными текстами Андрея Тимофеевича. Купирование «Записок» производилось так ловко, с таким подлинно иезуитским искусством, что отрицательные стороны прежней русской жизни вроде издевательств над крепостными неожиданно выплывали на первый план, тогда как все положительное тщательно затушевывалось или исчезало вовсе. Сокращения делались десятками глав, а не страниц. Именно в таком урезанном виде и переиздается теперь главное сочинение Андрея Тимофеевича, а его многотомность притупляет бдительность даже опытного читателя.

В XVIII веке еще не успели изобрести ни телевизора, ни радио, ни фотоаппарата. Для того чтобы разнообразить досуг, а равно и запечатлеть уходящие мгновения жизни, в дворянских семьях составляли картинные книги. В следующем, XIX столетии их сменили много более скромные по объему и весу семейные альбомы, которые дожили почти до самого конца века XX-го.

Несколько картинных книг, как у настоящего дворянина, хранилось и у Андрея Тимофеевича Болотова. Он собственноручно составлял свои домашние книги, которые долгими вечерами служили подлинным источником отдохновения.

У Болотова имелось несколько картинных книг. Об одной он рассказывает сам, сообщая читателю, что им с женой пришлось провести несколько вечеров в приятных занятиях – разборе и наклеивании на листы толстенного фолианта всех имевшихся в доме картинок. Это были по большей части лубки, очень популярные в России народные картинки, а также всевозможные гравюры, привезенные Болотовым из путешествий – заграничных и по России. Обыкновенно такая книга лежала в гостиной на специальном столике и пользовалась вниманием как гостей дома, так и самих хозяев. В более поздние времена столики стали изящнее, тяжеленные книги сменили «альбомы уездных барышень», а позднее альбомы с семейными фотографиями, которые в наше время обыкновенно прячут в шкафах, или вовсе электронные

архивы, уже без бумажного носителя – дабы гарантированно потерять собственное прошлое при поломке электронного устройства.

Андрей Тимофеевич Болотов и сам был прекрасным рисовальщиком. Теперь его работы, правда, относят к жанру наивного искусства – к признанным его шедеврам. Натурные зарисовки или сделанные по памяти, но непосредственно под впечатлением событий, становились своеобразной частью дневника, подневных записей, как чаще говорили прежде. Жаль только, что по сию пору не издано полного собрания работ Болотова-видописца. Именно таким словом определялся некогда жанр его произведений.

Художественный талант Болотовых передавался из поколения в поколение, причем не угасая, как это обыкновенно случается, а наоборот, усиливаясь. Постоянным соавтором в создании акварелей и рисунков Андрея Тимофеевича стал его единственный и любимый сын Павел. Отец с малых лет приучал его к разного рода «художествам». Внук Павла и правнук Андрея Тимофеевича – Дмитрий Михайлович Болотов (1837–1907) – стал профессиональным художником, получил образование в Императорской Академии художеств. Работы его пользовались признанием публики, но… Неожиданно для всех Дмитрий Михайлович ушел в монастырь, стал послушником, а затем и рясофорным монахом Введенской Оптиной пустыни Козельского уезда Калужской губернии.

В середине 1980-х годов мне несколько раз довелось побывать в Оптиной пустыни. В главном соборе мирно располагался комбайн, служивший наглядным пособием студентам сельского ПТУ или техникума. В знаменитом скиту находился небольшой поселок. Постепенно мемориальные строения скита передавались Козельскому районному краеведческому музею. В домике Достоевского музейные работники создали чудесную мемориальную экспозицию, в соборе скита – историко-литературную. Теперь в скит, по слухам, пускают дважды в год.

О монахе Болотове тогда вроде бы ничто не напоминало, но ведь известно, что он много работал для монастыря. При внимательном осмотре поселка оказалось, что болотовские творения вполне сохранились – что значит умелое владение живописной техникой. Они располагались на фасаде бывшего надвратного храма скита при Святых воротах, под открытым небом, омываемые дождем и засыпаемые снегом. Болотовские росписи и тогда, спустя почти столетие после написания, не потеряли своих ярких красок.

Сестра Дмитрия Михайловича – Софья Михайловна (1845–1888?) – стала первой настоятельницей Шамордина монастыря, дочерней, так сказать, обители Оптиной пустыни, где принимали постриг женщины, но чаще девицы. Пост свой она заняла после двух браков, с Языковым и Астафьевым; согласилась уйти от мира не без душевной трагедии… Среди местных монахинь подвизалась и единственная, горячо любимая сестра графа Льва Николаевича Толстого Мария Николаевна, по мужу тоже графиня Толстая. Она много лет приезжала в Шамордино, прежде чем принять здесь постриг. Граф не единожды навещал в Шамордине сестру, хотя к ее постригу относился неодобрительно. Кстати, к началу XX столетия и в бывшей усадьбе Болотовых Дворянинове возник небольшой женский монастырь, так что стоило ли так опрометчиво покидать родовые земли, или уж не до родовой истории было бедным дворянам?

В Шамордине Толстой был знаком не только с игуменьей Болотовой, к которой он, похоже, оставался совершенно равнодушен как к очередной церковной бюрократке, будущей возможной начальнице любимой сестры, а вовсе не деятельнице духовного просвещения. Зато к Андрею Тимофеевичу Болотову Толстой относился с искренним восхищением, называя его «Записки» «драгоценнейшим писанием», а уж и в мемуарах, и в силе слова великий писатель толк явно знал.

К тексту книги Е. Н. Щепкиной необходимо дать небольшое пояснение историко-топонимического характера. Автор несколько раз употребляет слово «украйна». Этим термином,

причем именно со строчной, а не заглавной буквы, определялись в русской исторической науке конца XIX столетия окраинные, а если сказать точнее – пограничные земли Московской Руси. Слово «украйна» встречается и в более ранних документах, оставаясь в русском речевом и письменном обиходе не одно столетие. Граница, а, следовательно, и украйна имелась как с запада, так и с востока государства. Обычно этот термин не применялся в отношении северной части страны, а также юга, где степные просторы и наличие кочевников долгое время не позволяли с большой точностью определить государственную границу. Говорили просто – Дикое поле.

К Украине, называвшейся в XIX веке Малороссией, а ныне ставшей независимым государством, применяемый Щепкиной термин «украйна» отношения не имеет.

Любителям и знатокам творчества А. Т. Болотова может показаться странным, что автор книги называет его родовое имение «Дворениново», через «е». Современная топонимическая традиция указывает на другой вариант названия – Дворяниново, через «я», вероятно, от слова «дворянин», «дворянское поселение». Надо полагать, что Екатерина Николаевна не сама выдумала такое название, а воспользовалась архивными документами XVII столетия, когда русский язык был ближе к старославянскому и народному. Ведь ей удалось найти немало документов, посвященных именно Дворенинову, и этот топоним ее нисколько не смущал. Подобного рода изменения названий в России встречаются достаточно часто. В «Дворянинове» в 1883 году был восстановлен нехитрый внешний облик усадебного дома автора «Записок»; была устроена небольшая историко-мемориальная экспозиция, воссоздан уникальный парк. Постепенно сквозь молодую поросль стали проявляться черты прежнего романтического болотовского садово-паркового ансамбля, выдающегося, единственного в своем роде памятника русского садово-паркового искусства.

Другое создание Болотова на тульской земле – художественный ансамбль уездного города Богородицка, знаменитого некогда имения графов Бобринских. Он начал перестраиваться и нарушаться самими хозяевами еще в XIX столетии. Здесь теперь тоже музей, и также многое напоминает о создателе усадебного и городского ансамбля Богородицка – Андрее Тимофеевиче Болотове, хотя потомки графов все больше заявляют о себе: мол, мы потомки Екатерины Великой, и основатель нашей династии прогулял и проиграл по парижам не один миллион от русского крепостного мужичка. Потом первого графа Бобринского крепко посадила под каблук скромная прибалтийская немочка, и уж до конца дней граф без ее воли пикнуть не смел. Это его свободолюбивое потомство устраивало драки в Московском университете на политической почве. А Болотов только строил да благоустраивал…

Сейчас читателю предстоит погрузиться в изучение русской жизни давно ушедшей эпохи. Путешествие это не станет легкой прогулкой, но от этого удовольствие от погружения в прошлое, надеюсь, нисколько не уменьшится, особенно с такими милыми спутниками, как ученый-энциклопедист Андрей Тимофеевич Болотов и его верная исследовательница-биограф Екатерина Николаевна Щепкина.

А. В. Буторов

От автора

Не раз воспользовавшись записками А. Т. Болотова для отдельных очерков[1], с помощью его указаний разыскав по архивным документам его предков XVI и XVII веков, мы решаемся теперь соединить в один связный рассказ все те данные для характеристики нескольких поколений одной и той же семьи из старинного служилого сословия, которые мы почерпнули из многотомных записок. Нас главным образом побудило к этому желание привести в тесную связь поколения допетровского времени с их жизнью и обстановкой, с поколениями первой половины XVIII века. Занимаясь только судьбами представителей служилого класса, мы прерываем свое повествование на том моменте, когда Указ о вольности дворянства закончил историю этого класса. В 1762 году наступает уже другая эпоха с усложнившимися общественными отношениями, с более широкими потребностями; жизнь поколений екатерининского века входит в новые рамки и с ними переносится в XIX век, поэтому посвященные ей две трети записок Болотова смело могут служить материалом для особой цельной работы.

В своем рассказе мы не беремся с одинаковым вниманием и проверкой разобрать все главы нашего источника; в силу этого, признаемся, рассказ выходит неровным, отрывочным. Но записки так подробны, касаются стольких сторон русской жизни даже за первую половину прошлого века, что отчетливый критический разбор требует всесторонней эрудиции, большого труда, кропотливого и мелочного, а это нам не по силам. Следует еще иметь в виду, что записки Болотова не простой дневник, не воспоминания, – это целое литературное произведение, написанное по обдуманному плану в легкой, занимательной форме; автор писал его на шестом десятке лет для своих взрослых и подраставших потомков по проверенным памятью и дополненным заметкам, которые он начал вести впервые в 1757 году, отправляясь в первый прусский поход. Для произведения поздних лет записки, в общем, правдивы, довольно искренни; но, частью в силу личных свойств автора, отчасти потому, что написаны с целью назидания, поучения юношества, они одноцветны, монотонны; автор явно старается не касаться темных сторон личной и общественной жизни, избегает всего малоназидательного, непригодных примеров. Это свойство сильно усложняет полную критическую разработку памятника; односторонние отзывы и характеристики автора требуют дополнений, дорисовки, и разбор одного источника грозит обратиться в полную историю русского общества XVIII века.

Старые поколения

В XV и XIV веках северные части нынешних Тульской и Калужской и юг Московской губернии составляли еще южную окраину государства: на ее землях отражались набеги крымцев, грозных врагов народного благополучия; все города этой украйны строились, соображаясь с дорогами, по которым крымцы приходили разорять Русь, и все входили в линии укреплений. Главной заботой летучих конных отрядов татар при выборе дорог на Москву было по возможности избегать переходов через реки; поэтому их главные пути на большей части своего протяжения представляли как бы водоразделы речных бассейнов. Решаясь по необходимости на переправы, они очень осторожно выбирали броды через реки и раз навсегда запоминали их. Все же броды, дороги и тропы, шляхи и сакмы, по-татарски, давно изучили и знали русские; их караулили, загораживали рвами, засеками. Главная дорога татар – так называемый муравский шлях – проходила по возвышенности между речками окского и донского бассейна и с дальнего юга, от Крымской Перекопи, вела к самой Туле. Далее, за Тулой, ожидали неизбежные переправы через Упу близ Дедилова, затем через Оку; близ Каширы находился едва ли не самый удобный брод, слывший Сенкиным. Все это надолго определило важное значение Тулы и соседних с нею городов: Каширы, Алексина, Дедилова, Крапивны. Многие годы туляки и каширцы жили в постоянной тревоге и ожидании набегов со степей.

Кашира, о которой впервые упоминается во второй половине XIV века, стояла в старину на левом берегу Оки у устья Каширки; но из военных стратегических соображений, чтобы удобнее задерживать переправу татар, город перенесли на правую сторону реки. Вместе с некоторыми другими украинными[1] городами Кашира не раз давалась в удел на кормление татарским царевичам и князьям; еще в 1532 году она была некоторое время за Шиг-Але-ем Базанским.

В царствование Грозного была вполне устроена правильная защита украинных городов от кочевников, причем боевую линию постепенно отодвигали все далее и далее на юг. Татар, однако, осталось очень много в Каширском уезде; в меньшем по числу жителей стану Туровском большинство помещиков – татары[2]; много их, вероятно, давно перекрещенных и обрусевших, скрывалось среди населения и других станов.

Если признать, что как раз близ Тулы проходил северный рубеж того пространства, которое в XII веке называлось народом степью, то этот старинный степной рубеж почти совпадает с северной границей черноземной полосы России[3]. К северу по средней Оке пойдут уже уезды с сероглинистой, не отличающейся плодородием, почвой; к их числу принадлежит и наш Каширский уезд.

В эпоху составления писцовой книги 1578–1579 годов мы находим среди старых каширских помещиков пять семей Болотовых и несколько деревень и урочищ с их прозвищем; три семьи жили в Безпуцком стану, одна в Тешиловском, именно та, потомком которой является автор мемуаров XVIII века, и еще одна в Ростовском стану. Андрей Тимофеевич Болотов рассказывает, что, судя по преданиям, предки его жили тоже в Безпуцком стану и оттуда уже переселились на те места Тешиловского, которыми довелось и ему владеть; акты вполне подтвердили это обстоятельство[4]. Безпуцкий стан был сравнительно густо населен, с большим количеством распаханной земли. Должно быть, тесно стало Ваське Романову, сыну Болотову, на старой дедине, и он перебрался и споместился, как тогда говорили, на более просторные места. Свое старое поместье он передал земляку Невскому[5], а свою долю в обширной Болотовской пустоши с разоренными дворами – бедному мелкопоместному родичу Федору Малы-

[1] Окраинными. – *Примеч. ред.*

хину-Болотову[6]. Эти безпуцкие родичи были очень бедны для своего дворянского звания. Федор служил с низшего оклада, какой только полагался для детей боярских, с 50 четями в одном поле[7]; на деле же владел всего 35 четями пустой земли без крестьянских дворов; он не имел на ней даже помещичьей усадьбы. Рядом такая же пустошь без дворов в 86 четей в одном поле записана за другим родичем, Василием Ивановым-Болотовым. Этот официально служил со 100 четями. Его совладельцы в пустоши, Бохины, сильно пострадали от татарских набегов; один пропал без вести в плену, а другой покинул поместье и куда-то переселился.

Третий родич, Василий Петров[8], перенес свой двор из старой разоренной деревни на новое место общей пустоши и положил основание деревне Новой-Болотовой. У Петрова показан, по крайней мере, помещичий двор, жилая усадьба, но и он в год переписи не отличался благоденствием; числясь на официальном окладе в 100 четей, он имел всего 5 четей пашни при своей усадьбе да 28 четей перелогом. Оба первые безпуцких родича, Малыхин и Василий Иванов, исчезли бесследно со своих мест и не появляются ни в каких документах более позднего времени. Только последняя новая деревушка несколько разрослась и после смутного времени в 20-х годах XVII века явилась поместьем старика Григория Васильева-Болотова, сына Василия Петрова. Так же бедны были поместьями Болотовы Ростовского стана. Там в слободке ГЦекиной жил отец с двумя сыновьями, Сенька Первый[9]; ему полагалось всего 10 четей в оклад, а его старшему – сыну 50 четей. Но в слободке на всех троих приходилось не более 50 четей довольно плохой земли.

Таким образом, члены нашего рода являются типичными представителями старинного сословия боярских детей. Судьбы этого сословия были довольно разнообразны и вполне зависели от экономического положения и служебных окладов. Лучшие богатейшие боярские дети выслуживались в придворные чины, попадали в списки московских дворян, жильцов и так далее. Низший слой, постепенно беднея, спускался до окладов в 30–15 четей. (20 десятин до 50), то есть таких, какие получали станичные и городовые казаки из вольных людей, защищавшие на украйне и на степных сторожах татарские переходы и переправы. Такие боярские дети скоро исчезали из списка помещиков и терялись в толпе вольных людей, казаков и однодворцев. В XIII веке из них вербовали первых солдат драгун и рейтар, которых отдавали на выучку иностранным офицерам.

Василий Романов, перебравшись в Тешиловский стан[10], занял довольно удобные для хозяйства земли по маленькой речке Дороховке близ более значительной Скниги, притока Оки; он имел 67 четей в поле (около 100 десятин) с 10 десятинами леса и хорошими покосами. Обилие речек делало это место весьма соблазнительным для помещика. Дороховка лет через 200 после первого Болотова[11] в жаркое летнее время имела не менее двух саженей ширины, а Скнига не бывала уже шести саженей и изобиловала рыбой; кроме того, тут же пробегали речки Щиголевка, Гвоздевка, Язвейва и меньшие ручьи. Отсюда Болотовы начали понемногу распространять свои владения в округе; но пока, в последние годы царствования Грозного, у Василия Романова в его Трухине имелась только собственная усадьба да три пустых крестьянских двора.

Писцовая книга застала каширское население в том бедственном состоянии, в какое привели его нашествия Девлет-Гирея 1571 и 1572 годов, когда выжжена была вся Москва и погибло от крымцев в общем до миллиона народу. Да и вне таких погромов сельское население с трудом удерживалось на землях мелких, бедных помещиков; крестьяне искали прежде всего поддержки и защиты у помещика, а на бедняков плоха была надежда. Круто приходилось мелкопоместным службы служить и семьи содержать на доходы со своих пустошей и крошечных деревенек.

Всякий юноша, дворянин или боярский сын, с 16 лет считался поспевшим в службу – новиком; если отец его не мог служить по болезни или старости, за ним записывали поместье

отца или наделяли, если было несколько братьев, особым окладом земли. Обыкновенно поместье оказывалось меньше официального оклада, который прописывали дьяки разрядного приказа.

Служилый люд города с его уездом составлял особый полк под начальством своих голов и сотников. Свои выборные окладчики проверяли имущественное положение земляков; они знали, за кем сколько четей, кто в какую службу годен, может ли привести с собой своих кабальных людей или нет; с их слов дьяки писали, у кого поместье мало или пусто без крестьян. Сообразно с этими данными между людьми делили денежное жалованье перед походом и во время его, от 6-10 рублей до 25.

Все помещики уезда по таким спискам[12] делились на статьи, главным образом, на четыре: 1) выборные, лучшие дворяне, легко переходившие в более аристократичный московский список, в государев полк, в жильцы и прочее; 2) просто городовые дворяне; 3) дворовые и, наконец, 4) боярские дети украинных городов; на окладе до 30 четей они уже стояли почти наравне с городовыми казаками; это разряд Федьки Малыкина, Сеньки Первого и др. Все эти статьи составляли главную массу нашего старинного войска – поместную конницу.

Как только государь объявлял войну какому-нибудь недругу из соседей, целая система приходила в действие, чтобы двинуть в поход служилых людей, мирно сидевших по деревням. Во все города, полки которых были назначены к сбору, из Москвы высылали сборщиков, обыкновенно из лиц доверенных и знатных. Сборщик приезжал в город с готовым списком местных служилых людей и получал еще дополнительный от воеводы или наместника уезда. Воевода же, с своей стороны, получал из Москвы царскую грамоту о войне и сборе войска и читал ее всенародно в своем городе. Он определял к сборщику несколько стрельцов и пушкарей своей команды, которые рассыпались по уезду собирать в город помещиков. Когда они съезжались, сборщик производил им разбор, то есть записывал, с какими силами каждый пойдет в поход, с каким количеством людей и лошадей. Тут же впервые записывали в разные статьи новиков. Затем он отводил весь полк в назначенное для сбора место, где сдавал его царскому воеводе. Последний принимал людей по спискам, снова вызывал окладчиков, которые поручались за каждого земляка, что он станет служить так, как ему по поместью надлежит, раздавали всем жалованье и расписывались. При этом окладчики показывали, кого нет и по какой причине в «нетях»; тут делались новые списки «нетям» и «естям».

Процедура оказывалась довольно длинной и сложной, да иною и не могла быть, имея дело с тяжелой деревенской кавалерией, не приспособленной к строю и правильным походам.

Иногда предоставлялось окладчикам отбирать беднейших людей и отправлять их на службы поближе, избавляя от дальних походов. По соображениям некоторых исследователей [13], самое простое вооружение всадника и конь с годовым прокормом стоили на деньги того времени около семи рублей. Мудрено проверить такой приблизительный рассчет. Но в общем эту сумму денежного жалованья в год получали люди нисшей служилой статьи, а для больших походов бывали прибавки. Таким образом, на подъем, на оружие казна давала кое-что, но прокармливались люди сами чем могли, и тут-то сказывалась привычная скудость быта и неприхотливость. Состоятельные люди забирали с собою шатры, переменных лошадей, везли в обозе целые телеги запасов деревенского хозяйства для себя и для своих вооруженных людей. Если припасов не хватало или с обозом случалось несчастье, люди промышляли в неприятельской земле, грабили и добывали прокорм. Небогатым дворянам плохо приходилось в походе, а их немногочисленной прислуге и холопам, конечно, и того хуже.

Герберштейн видел наших служилых людей в конце царствования Василия Ивановича III и немало дивился их неприхотливости, тому, как они на маленькое жалованье и свои скудные средства содержали себя и своих людей в походах. Если служилый человек ведет с собою несколько лошадей, то одну из них нагружают самыми необходимыми вещами; тут обыкновенно имеется просо в мешочке, фунтов 10 соленого свиного мяса; маленький мешочек соли,

смешанный, если хозяин посостоятельней, с перцем. Всякий имеет котелок, топор и трут. Если поблизости стоянки не найдется никаких плодов, ни дичины, русские воины разводят огонь, варят в воде просо, немного солят, и такой пищей господин и холопы живут и довольствуются по-дому; в виде лакомства к вареву прибавляют немного соленой свинины. Если господин очень голоден, он съедает все один; холопы же весьма искусно ухитряются поститься по два, по три дня[14]. На стоянках небогатые люди вместо палаток делают низенький навес из ветвей, покрывают его епанчой, прячут под него седла, оружие и кое-как укрываются сами от дождя. Лошадей пускают на подножный корм, и ради этого ставят свои шалаши далеко друг от друга, что довольно опасно ввиду неприятеля.

Так служили и наши мелкопоместные каширские помещики. Лично о каждом из Болотовых ничего нельзя сказать точного, кроме того, что дает писцовая книга; книги десятен с их именами не дошли до нашего времени: на сторожах своей украйны караулили они татар, рыли землю для рвов и валов, получая за эту службу 2–3 рубля прибавки в полгода. Дома им часто приходилось работать в поле за недостатком рабочих рук и притом не зевать: к ним и в мирное время легко могли забраться татары и затащить в плен прямо с пашни. Обижала и своя братия: сбившийся с толку боярский сын собирал вокруг себя любителей легкой наживы и ходил с топорами и рогатинами на помещиков и на крестьян; удалая шайка била своих же земляков до увечья и смерти, отнимала имущество, ничем не гнушаясь, часто для того только, чтобы немедленно пропить легкую добычу в первом кабаке. Подчас, как татарин, боярский сын завозил их жен и дочерей в свою усадьбу и старался закрепить их себе в холопство.

Уезды украйны беспрестанно призывались к осторожности и держались наготове к войне. То и дело проскакивали мимо Каширы с дальних сторон гонцы или сами станичные головы; чуткие, привычные уши сторожевых разведчиков издали слышали на сакмах и шляхах топот коней передовых татарских всадников. «Позади сакмы слышен звук великий; чаяли приходу царева» (т. е. ханского) – докладывали головы в Москве кому следовало. К воеводам украйны тотчас посылали из Москвы указ держать служилых людей наготове к походу; на украйну двигали сразу по нескольку полков. Все царствование Грозного полно таких степных тревог, отвлекавших его силы то от Казани, то от Ливонии и Литвы. Каширу сторожили известные воеводы того времени, но не всегда уберегали; в 1571 году допустили Девлет-Гирея сжечь Москву. На следующий год разоренные и истомленные украинцы опять было пропустили татар. Каширцы со сторожевым полком князя Шуйского защищали свой город и ближние берега Оки, а у Сенкина брода стоял всего один притин – место, огороженное плетнем, за которым сторожили 200 человек боярских детей.

Опытные мурзы Гирея выбрали удобное время, опрокинули притин, перебили маленький отряд и быстро переправились. Только близ Лопаски настигли татар воеводы и успешно отбросили в степи.

Грозное нашествие Казы-Гирея (1596 год) заключило ряд погромов, не дававших вздохнуть каширцам и их соседям, а затем последовала сплошная смута во всем государстве. Что тут сталось с семейками Болотовых, остается совершенно неизвестным. Приходится через всю эту эпоху перейти прямо к двадцатым годам XVII века.

Воцарение Михаила Федоровича далеко еще не принесло мира русской земле; оно дало только определенный государственный характер борьбе с врагами внутренними и внешними; только в этом смысле можно сказать, что смута кончилась. Наша тульская украйна еще долго страдала от наездов казацких и польских отрядов, не желавших расстаться со своею добычею – расшатавшимся государством. То Заруцкий с Мариной перебирался из города в город, опустошая по дороге все, что еще уцелело от прежних набегов; то Лисовский проносился со своею конницей. В промежутках татары появлялись из степей, переправлялись через Оку и опустошали приокские города до самых подмосковных волостей. На Кашире и соседних с нею

местах оставалось очень мало служилых людей, – только те бедняки, которых избавляли от дальнего похода в Литву и под Смоленск, где своим чередом шла борьба с поляками. Часто случалось, что совсем некому было отражать опустошительные набеги; да и те воины, какие были, не получая подолгу жалованья, стремились в разбойничьи шайки. Масса дел и документов погибла за это время в разграбленных городах. Так, в Серпухове, разоренном в 1618 году гетманом Сагайдачным, погибли вместе с другими бумаги Болотовых.

Но и среди этой кровавой борьбы стойко продолжалась возобновленная государственная и административная деятельность; составлялись переписи служилых людей, недоросли и новики верстались поместьями, верных защитников Москвы награждали вотчинами; внутренний строй общества возобновлялся крепче, сложнее и определеннее прежнего.

1620 год застает потомство Романа Болотова в сравнительно лучшем положении по службе и по поместью. В деревне Трухине на берегу Дороховки жили теперь крестьяне; к поместью прибавилось две пустоши, и в нем считалось уже 200 четей в поместье; им владел сын Василия Романова, уцелевший от смуты, Таврило Васильев, по мирскому прозвищу – Горяин. Его старший сын Ерофей был в ту пору уже на службе и женат. Вероятно, его записали новиком в первую разверстку дворян и детей боярских, когда князь Хованский стоял с большим полком в Туле для защиты края от крымцев и татар.

Перетерпев смуту, Горяин посылал в Москву челобитные, чтобы ему снова справили необходимые грамоты на владение Трухиным, так как прежние погибли в Серпухове. Ему прислали обычную крепость[15], перечислявшую его земельные дачи, с обычным наказом, чтобы «все крестьяне, которые в том поместье живут и на пустошах учнут жить, Горлина Васильева села Болотова слушали, пашни на него пахали и доход его помещиков платили». По годам, может быть, еще и не старик, Горлин сильно одрлхлел в бедствиях кровавой эпохи и не имел сил служить. Через два года, в 1622 года, в Тулу прибыл князь Лыков[16] и произвел разбор служилым тулякам и каширцам. Тут Таврило Горяин был отставлен от службы за старостью и увечьем; при этом до известной степени определилась служебная будущность его сыновей. Поместье, всегда связанное со службой, у неслужащего отняли и по обычаю, признанному законом, записали за самым младшим четвертым сыном, малюткой Еремеем; старшие должны были получить поместье отдельно, – шли в отвод, как тогда говорили. Но Еремей-малолеток только рос и воспитывался на своем уже порядочном для боярских детей поместье; поэтому за него отбывал службу и обязательно пользовался частью его доходов второй взрослый брат, Панкрат Горяйнов по прозванию Безсон[17]. Его имени, впрочем, в десятне 20-х годов не оказалось, может быть, потому, что подлинники этих десятен пострадали во время московского пожара 1628 года. Третий брат Дорофей тоже не упоминается ни в каких служебных списках; только гораздо позже мы находим его имя в некоторых документах по поместным делам.

Старший сын Горяина, Ерофей, хорошо пошел по службе; ему, видимо, удалось отличиться или приобрести сильных приятелей. В 1622 году он записан в хорошей статье городовых дворян с окладом (пока номинальным) в 400 четей. Но владел он всего 40 четями во Владимирском уезде, пустыми от казацкого разоренья; получены они, вероятно, в приданое за женой. Ерофей жил пока у отца и выходил на службу один на коне с самым обыкновенным вооружением[18]. Имея покровителя в Москве или родство по жене среди придворного ведомства, Ерофей мог со временем без труда попасть в жильцы и в московский список. Судя по дальнейшим успехам его дел и судьбе его сыновей, он был ловкий человек, а главное, «выгодно женился»: отец и брат его жены, Бандиковы, служили головами московских стрельцов и имели родных среди толпы служилого люда, наводнявшей крыльца и рундуки царских хором. Но дела не скоро делались; еще несколько лет пришлось ему потесниться в трухинской усадьбе, пока отвели ему землю, да пока он сам собрался с силами отстроить себе свою собственную усадьбу.

В эту пору хозяйство в Трухине является далеко не блестящим. На одном помещичьем дворе в клетях и избах жили семьи двух женатых братьев, старик Горяин и два юнца, будущие новики. На деревне у них стояли только два крестьянских двора, – один пустой, в другом жил крестьянин с двумя племянниками, – да в двух меньших дворах сидело по одному бобылю. На все 200 четей оклада приходилось вряд ли пять взрослых работников, во всяком случае, меньше, чем ртов в помещичей усадьбе[19]. Не очень сытно кормились с Трухина служилые люди и особенно их подневольные, ходившие с ними в походы. Чваниться и барствовать не приходилось; подобно многим своим современникам[20], наши Болотовы должны были работать на поле вместе со своими бобылями. Впрочем, по большей части только женщины да старые и малые оставались в усадьбе; взрослых служак то и дело снаряжали в походы.

Панкратий Безсон, отбывая службу за себя и за брата Ерему, ходил под Смоленск во время неудачной осады Шеина. Эти походы в Литву, продолжительные и разорительные, считались особенно тяжелыми для служилого сословия. То были не отражения татарских набегов, не погоня за степняками, тут требовалась стойкость, рассчитанная выдержка, уменье распоряжаться всеми своими силами. А наши войска из необученных военному строю помещиков, без правильного содержания, на истощенных травяным кормом конях, часто оказывались вовсе неприготовленными к продолжительным походам в неприятельские земли. Старинные документы рисуют такие тяжелые картины военной жизни и походного обихода, которые вполне объясняют обилие «нетей» и побегов из полков. Измученные голодовкой, без надзора и попечений, помещичьи латники и холопы толпами бегали от своих господ, а помещики, особенно одинокие бедняки, охотно скрывались от своих голов и окладчиков.

Тогдашняя служба рассчитывала на крайнюю неприхотливость и привычку к скудости, на железный закал и бесшабашную смелость русского человека. В XVII веке недостатки нашего старинного строя сделались так ощутительны, что с воцарением Михаила Федоровича появляются вполне ясные признаки перехода к западному регулярному строю, и с каждым походом появляется все больше и больше солдат, рейтар и драгун под начальством иностранных офицеров.

Итак, наши воины любили отмечать литовские и смоленские службы с ударением, как особенно тяжелые. Из довольно ветхого дела[21] узнаем, что Безсон сильно пострадал от «смоленской нужи», как свидетельствовал кто-то от имени Еремы; как больного или изувеченного младший оставил его на покое в своем поместье и отправил вместо себя в полковую походную службу какого-то Семена Чортова, но и Семен был где-то зарублен. Не долго протянул и страдалец смоленской нужи; он отбыл на вечный покой, не справив за собой собственного, отдельного поместья, и ни разу не появившись в списках самостоятельным лицом. Предназначенные ему 95 четей из свободного соседнего поместья были справлены уже за его сыновьями-малолетками.

Пока старшие служили, младшего пробовали обижать тяжбами. Земляки каширцы Сонин и Тарбеев задумали оттягать у Болотовых Трухино; они ссылались на то, что Еремей Горяйнов владеет им не по праву, без дач и государевой грамоты. Еремей немедленно подал ответное челобитье с указанием всех необходимых крепостей, по которым владеет, и дело прекратилось[22]. Старинные приказы бывали наводнены такими тяжбами: дворяне, имевшие маленькое поместье сравнительно с окладами, могли бить челом на поместья, которыми, по их мнению, помещики владеют неправильно. Если они оказывались правы в своем челобитье, то могли получить прибавки из неправильно захваченных поместий.

Наконец, и Ерема попал на службу. В 1638 году[23] в Туле воевода князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский произвел общий смотр служилому люду всех чинов и статей, от старых служак, страдавших под Смоленском и Можайском, до новиков и новых солдат и рейтар. Мелких помещиков, имевших не более 2–3 душ крестьян и бобылей на своих землях, кото-

рым по бедности было слишком трудно служить на своем иждивении в городовом поместном полку, воевода по указу записывал в солдаты и рейтары; этим людям, служившим в полках нового строя, выдавали из казны по 8-7-ми[2] денег в сутки; лошадей и оружие они тоже получали от казны. Новик Еремей Болотов как владелец 200 четей и пяти рабочих душ был внесен в низшую 4-ю статью старой поместной конницы, с окладом в 200 четей земли и шестью рублями годового жалованья. Судьба его оказалась впоследствии довольно любопытной и даже романичной, и потомок-писатель посвящает ей несколько сентиментальных страниц в своих записках.

Незадолго до составления писцовой книги 1629 года (1624–1625 годы) Ерофей Горяйнов получил близ Трухина отдельное поместье в свой оклад и начал устраиваться в своем хозяйстве. К сожалению, не сохранилось никаких известий о том, как и от кого он получил это поместье, состоявшее из деревни Дворениновой Луки в 125 четей в поле и двух жеребьев запустевшей деревни Дятловки в 150 четей[24]. Первая была, может быть, выселками старого Дворенинова, принадлежавшего в XVI веке Коптевым и находившегося тоже на берегу Скниги. Прозвище болотовской деревни скоро укорачивается и обращается просто в Дворениново, впоследствии – приют муз литератора нашего просветительного века.

Ерофей повел хозяйство для своего времени обстоятельней и лучше своих братьев. На высоком, крутом берегу красивой Скниги у него стоял обширный помещичий двор. Сам всегда в походах, вдали от дома, он первое время сосредоточивал здесь в своей усадьбе все свои хозяйственные силы под надзором жены Дарьицы. В 1629 году у него еще не было крестьян; в Дворенинове числилось только пять пустых мест, где когда-то стояли тяглые крестьянские дворы, да четыре места виднелись в Дятловке. Хозяйство велось руками трех деловых людей и одного бобыля, переведенного из другой запустевшей деревни. Все четыре работника жили с семьями в усадьбе, в деловых людских избах, пока Ерофей не окреп хозяйством. Поокрепнув, он быстро обзавелся крестьянами, даже своих деловых людей перевел на крестьянские тяглые дворы.

Дело в том, что Болотовым удалось выхлопотать себе в раздел большое соседнее поместье, оставшееся без владельца. В 1631 году[25] умер князь Шестунов из рода богатого и знатного в XVI веке и сошедшего со сцены в XVII веке; не имея сыновей, он оставил 700 четей земли в трех уездах, и поместный приказ сам распорядился ими. Костромское поместье назначили на прожиток вдове княгине, Галицким наградили зятя покойного, князя Щербатова, а Каширское по челобитью трех старшин Болотовых дали им в раздел.

Раздел произошел в 1632 году под надзором губного старосты города Серпухова, Цвиленева[26]. Староста ездил лично с дьяком в выморочное поместье, осматривал его с понятыми и описывал. В старину это было большое поместье из двух сел и сельца; одно из них, Шахово, принадлежало когда-то знаменитому роду князей Гундоровых. Теперь все это обратилось в сплошные пустоши; крестьяне давно разбрелись; где 20, где 26 пустых дворовых мест виднелись вокруг заброшенных усадеб; заброшенные чуть ли не со времен Казы-Гирея пашни заросли на 100 и более четей хорошим строевым лесом. Последнего задворного человека Щербатов свез в свою вотчину, а последний крестьянин сбежал, и всю его рухлядь свезли к себе соседние государственные крестьяне.

Губный староста отделил из этой обширной пустоши 284 четей и разбил их на три равные участка в 95 четей с лишком каждый, с одинаковым количеством пашни, леса и сенокоса. Ерофею участок пошел в прибавок за его усердную и успешную службу и дополнил его оклад до 415 четей, а Дорофей и Безсон получили здесь свои первые наделы. Безсон умер, не дождавшись крепостей на свою землю.

---

[2] Так в оригинале. – *Примеч. ред.*

Округлив свое поместье прибавком пашни и леса, Ерофей мог изменить свое хозяйство на более спокойный для себя порядок и более выгодный для своего рабочего, страдного люда[27]; он понемногу отстроил тяглые дворы и переписал своих работников в крестьяне. Мелкий, но любопытный факт, показывающий, как условия хозяйства, экономические интересы помещика смешивали совершенно различные для государства сословия несвободных, обязанных людей. Может возникнуть, конечно, подозрение, не скрыл ли Ерофей перед переписью 1629 года у себя во дворе крестьян, показав их деловыми людьми, как это делали многие помещики. Но тогда оказались бы пустые дворы в его деревне; в писцовой же книге записаны не дворы, а старые дворовые места. Кроме того, странна непоследовательность: удачно скрыв тяглых в первый раз, он в следующую перепись не пробует скрыть ни одного, показав больше дворов, чем у него было дворовых мест.

По-видимому, тут совершился целый хозяйственный переворот; помещик разжился землей, приобрел много хорошего леса и попробовал устроиться иначе. Та же Шестуновская дача принесла ему к указываемому времени еще доход, о котором узнаем из позднейшего документа, а именно из договора внуков и детей Ерофея с внуками гамбуржца Марселиса. Петр Марселис[28] снял у Горяйнова часть его пустоши на берегу Скниги под новый железный завод; судя по возобновленному договору, он платил за пользование землей и строевым лесом деньгами, разными железными поделками, строил помещику плотины, мельницы, чинил строения и т. д. Соседство такого промысла должно было доставлять крестьянам и помещику немало доходов и удобств. На выгоды от заводов указывали и мнения выборных на земских соборах, когда разбирали права иноземных купцов.

Что в крестьяне были переведены деловые дворовые люди Ерофея, очевидно из внимательного чтения описей Дворенинова в писцовой книге 1629 года и переписной в 1646 году.

1629 г.
Деловые люди:
1) Марчко Антонов
2) Игнашко Матвеев
3) Демка Гаврилов (бывший бобыль)
4) Гришка Венюков

1646 г. Крестьяне:
1 двор Костюшко Марков
2 двор Архипко Марков с братьями, дети Кащеевы
3) Игнатко Матвеев
4) Демка Гаврилов
5) двор Григорий Лукьянов

К этому числу Ерофей привлек трех новых крестьян и одного бобыля, которого поселил в Гвоздевке; всего на всего в эту пору за ним числилось 18 крестьян, два бобыля и ни одного делового человека. Нам неизвестны условия, свойства записей или крепостей, по которым жили деловые люди на дворе Ерофея, а эти условия бывали очень разнообразны в XVII веке. Неизвестно, взял ли помещик с них новые записи, переводя их в крестьяне. Во всяком случае, то были люди запроданные, зависимые; дети их родились в этой зависимости на барском дворе и становились старинными, кабальными людьми. Давно закрепленные семьей своего помещика, работники переехали на тяглые дворы, и там переписью 1646 года были навеки со своим потомством прикреплены к земле.

В Трухине ж у Еремея Горяйнова хозяйство шло по старинке, без изменений. Там через 17 лет после писцовой книги 1629 года стояли все те же три двора – один крестьянский и

два бобыльских; завелся было третий бобыльский двор, но крестьянин, перешедший на этот низший надел, скоро сбежал с семьей. Всего у Еремы жило 10 человек, четверо крестьян и шестеро бобылей. Завелась в это время деревушка и у Дорофея Горяйнова, но весьма жалкая; она состояла из помещичьей усадьбы и одного крестьянского двора и называлась Гвоздевкой, по имени главной Шестуновской пустыни.

Теперь следует упомянуть об одном дальнем родственнике и современнике Горяина и его сыновей, любопытному, правда, только по тяжбе, которую ему пришлось вести под конец жизни. В XVI веке мы видели три семьи Болотовых в Безпуцком стану; в XVII веке от них остались только два потомка: Григорий Васильев и его племянник Лукьян, – один сын, а другой – внук Василия Петрова, основавшего деревушку Новое-Болотово. Дядя пользовался ⅔ поместья, а племянник – ⅓. Ни тот ни другой не имели ни одного жилого крестьянского двора; у них стояли только усадьбы, да показаны старые дворовые места; даже деловых людей за ними не было.

Григорий Васильев служил давным-давно: в 1622 году он записан в статье городовых дворян рядом с Ерофеем с окладом в 250 четей; но на деле он владел всего 86 четями из отцовского поместья и не получал никаких прибавок за службу. Только когда умер племянник Лукьян бездетным, дяде без спора передали остальную часть Болотова – 36 четей и пустую усадьбу. На старости лет Григорий оказался вдов, бездетен и совсем одинок; он уже собирался мирно удалиться в монастырь, в тепле и покое доживать свой век, как его поместье, выходившее из служилых рук, сделалось добычей алчных исканий. Бумаги, рисующие это дело, весьма ветхи, ни года, ни судебного решения при них нет, так что о результатах тяжбы можно судить только по позднейшим фактам.

Из родных у старика были только Болотовы Тешиловского стана да зять, небогатый помещик Писарев. Еще при жизни жены тесть, оказывается, уступил зятю 40 четей из своего поместья с тем, чтобы последний содержал его. Писарев подал челобитную от себя и от имени тестя в поместный приказ, прося укрепить за собою эти 40 четей. Не успели исполнить этой просьбы, как в следующем году явились новые претенденты на Болотово. Какой-то подьячий подал новую челобитную тоже от имени Григория, в которой тот удостоверяет, что он передумал и теперь всем поместьем сполна поступается родичам Еремею Гаврилову да племяннику Панкрату Безсонову с тем, чтобы они его содержали. Что же касается уступки зятю 40 четей, то он, старик, сделал это, не посоветовавшись со своими родными; зять же, кроме того, ни в чем его не почитает, не поит и не кормит, а потому ему, Писареву, «до того поместья больше дела нет».

На это Писарев ответил челобитной, опять от имени того же Григория; в ней последний просит не верить его предшествующему челобитью, потому что оно ложно подано от его имени и писана в нем одна неправда; уверяет, что зятем он доволен; тот его почитает и кормит. Что же действительно писалось от имени старика и что ложно? Может быть, обе стороны равно играли именем совсем одряхлевшего помещика. Явились претензии на Болотово и со стороны; малопоместный сосед Сонин с сыном усердно просили прибавить им в оклад из бывшего поместья Григория Болотова; говорили, что старик лет с десять никаких служб не служит, а теперь ушел в монастырь постригаться.

Из Москвы местному воеводе велели лично допросить Григория и собрать справки о поместьях Сонина и Писарева (у последнего оказалось очень мало земли). Чем кончились допросы – неизвестно; но через несколько лет у Панкрата Безсонова оказались крепости на 80 с лишком четей в Безпуцком стану. Значит, воеводе удалось примирить родичей: недостаточному Писареву дали просимые 40 четей; племяннику Болотову дали большую часть поместья; Еремею, самому обеспеченному, ничего не дали; отказали и чужаку Сонину. О ложных челобитных совсем дела не поднимали.

В эту пору в конце 40-х годов XVII века старших братьев Болотовых уже не было в живых. Едва вступил на престол Алексей Михайлович, как начались тревоги в татарских степях; в украинских городах потребовалась усиленная деятельность, и на дальние сторожевые пункты послали выдающихся в свое время деятелей, князей Одоевского и Львова. В такие тревожные времена в Тулу, Баширу и другие города посылали строгие грамоты к воеводам. В них сообщали, что прошли слухи о близком приходе крымского хана на Русь, а потому приказывали быть в великом береженьи, грамоту приказывали читать вслух служилым людям по нескольку раз, чтобы дворяне, дети боярские и всяких чинов люди собирались к службе «конны, людны и оружны»; чтобы в дальние места не смели разъезжаться, а были бы готовы идти с царскими воеводами на крымцев, чтобы православных крестьян в плен и расхищенье не выдавать.

Жен и детей дворяне должны были по первому зову везти в город, чтобы татары их не побили и не полонили. Туда же приказывали свозить хлебные запасы со всего уезда и ничего не оставлять на добычу татарам.

Не любили жители тащиться издалека в городскую осадную тесноту и иногда предпочитали строить свои острожки и загороди, где пробовали сами защищаться от степняков. Правительство строго требовало, чтобы воеводы сжигали такие домашние крепости, сжигали и хлеб у ослушников, державших его дома; но угрозы вряд ли многих устрашали.

К 1646 году тронулись с севера замосковные полки; у Оки к ним начали примыкать каширцы, туляки и прочие украинцы. Начался дальний степной поход; в нем принимала участие и новая пехота – солдаты, обученные иностранному строю. В числе каширцев шли Ерофей Горяйнов с братом Дорофеем. Несколько месяцев в 1646 году простояли они с князем Одоевским около Ливен, ходили походами в степи, держали караулы на сторожах. Здесь по Быстрой Сосне усиленно оберегали переправу и знаменитый татарский путь между притоками Оки и Дона. Отсюда начиналась новая украйна, более южная, называемая польной.

Скоро Одоевского по стратегическим соображениям передвинули далее на юг в Белгород на Донце, где целый ряд укреплений сосредоточился на сторожевой линии от Ворсклы через Донец до донских берегов. На дальней линии служба становилась тяжелее. Там требовались рабочие руки для крепостных и земляных работ, для рытья рвов и валов; туда нужны были служилые люди побогаче, приводившие побольше холопов. Поэтому окладчикам приказали поразобраться в своих полках, и бедных малопоместных и пустопоместных не отправлять с князем Одоевским под Белгород[29], их оставляли в Ливнах для сторожевой службы под начальством князя Львова; в поход же пошли главным образом жильцы, стряпчие и другие высшие чины: они получили за тяжелые службы 1646, 1647 и 1648 годов награды и особые льготы на несколько лет в поместных и судных делах. Слабых же и больных людей отпускали с разбору по домам. В эту пору отправили домой совсем больного Дорофея Болотова. Что касается Ерофея, то, несмотря на его обеспеченность и хороший оклад, окладчики оставили его на Ливнах наравне с пустопоместными; может быть, он нес здесь какую-нибудь особую службу, но вернее, что избавился от дальнего похода благодаря родне среди начальников. Это не спасло его, однако, от судьбы: он умер 1 сентября 1647 года где-то на службе под Ливнами.

Вернувшись с похода домой, Дорофей совсем захирел и умер вслед за братом в январе того же года. Так трое старших Болотовых покончили свой век на службе или от последствий службы.

Теперь с 1647 года в делах болотовской семьи являются деятельными гражданскими личностями вдовы-матери, «горькие» и «бедные» челобитчицы[30]. После смерти мужей они заступают их первенствующее место в семьях и делаются их представительницами перед правительством. Дело вдовы Дорофея короче, а потому начнем с него.

«Бедная вдова каширянина Антонидка Дорофееская жена Болотова с детишками с сынишками большим Сенькой (5 лет), да меньшим Сенькой (3 лет), да с двумя дочерьми дев-

ками бьет челом великому Государю…. В прошлом, Государь, во 154 году был муж на твоей государевой службе на Ливнах с окольничьим князем Семеном Петровичем Львовым; муж мой, будучи на твоей государевой службе, занемог, и привезли с твоей государевой службы больного. И в нынешнем, Государь, во 155 году, после Богоявленьего дня назавтра мужа моего не стало». Затем она просит «пожаловать ее, вдову с сынишками, выслуженным поместьем мужа 95 четями на Кашире – а им с того их поместья государеву службу служить и мать свою кормить до ее живота» и кончает просьбой записать сыновей в разряд недорослями.

Это дело довольно ветхо, и многое в нем растеряно; неизвестно даже, назначили ли вдове с дочерьми что-нибудь на прожиток. Поместье было так незначительно, что его, кажется, предоставили в полное распоряжение матери сообща с детьми. Обоих Семенов очень скоро записали в недоросли на поместье отца. С тех пор имена их только раз попадаются в сохранившихся документах: в деле новой маленькой прибавки из Шестуновских дач по 12 четей семерым Болотовым младшего поколения[31] да в тяжбе из-за тех же дач с князем Горчаковым. С тех пор потомство Дорофея исчезает бесследно, и совершенно неизвестно, выросли ли оба Семена из недорослей и поступили ли когда-либо на службу или перемерли малолетками. Только в 1656 году их поместье во 108 четей[32] (11 четей отчислены, вероятно, на прожиток матери или сестре) дано Еремею Горяйнову, еще не получавшему никаких прибавок к окладу за свои службы.

Дело вдовы Ерофея, «Дарьицы», интереснее и сложнее. После обычного отчета о смерти мужа в ее челобитной следует перечисление семьи: «а я, горькая, осталась с детишками своими с Ивашкой, да с Кирюшкой, да с Гаврилком, да с Бориском, да со снохой Осиповой женой, да с внуком Ларькой Осиповым сыном сама сема[3]»[33]. Ее старший сын Осип, женившийся весьма рано по обычаям старины, умер в один год с отцом, не поступив на службу и не получив оклада. После Ерофея в Каширском и Владимирском уездах осталось 412 четей поместья (кроме леса и покоса). Дарьица просила все это поместье справить, по обычаю, за двумя младшими сыновьями Гаврилой и Борисом (шести и пяти лет) и внуком Ларионом (полгода). «А внука моего, – писала попечительница семьи, – вели мне поить и кормить, покамест он возмужает и поспеет в твою государеву службу». Далее, после обычных справок и названий поместных дач, вдова записала известную формулу, созданную служебным положением старинного дворянства: «как ему будет 15 лет, в службу поспеет, будет служить с отца своего поместья, и станет мать свою и племянника Ларьку поить и кормить. А поспеет Ларька в 15 лет, он из того деда своего поместья служит и кормит бабку и мать».

В тот же год троих мальчиков внесли в каширский список недорослей, а вскоре затем справили и Дворениново за будущими служаками.

Иван Ерофеев[34] с Кирилой остались заштатными в отцовском поместье. Иван, уже юноша, скоро женился и вышел на службу, но еще долго, до самого совершеннолетия недорослей, семья жила вместе в одной усадьбе.

Одно сельцо Дворениново, хотя бы и хорошо устроенное с небольшим прибавком, заброшенным во Владимирском уезде, на такую большую семью было далеко не роскошным обеспечением. Между тем московская протекция сильно помогала детям Ерофея, и они быстро поднимались по службе; трудно сказать, сколько они прослужили в первой статье, но после андрусовского перемирия имена их появляются в списке московских жильцов.

Первые годы владычества Дарьицы с сыновьями в Дворенинове ознаменовались разными поземельными делами; сперва успешно окончили хлопоты о новой прибавке из пустых земель князя Шестунова. При разделе семь братьев Болотовых получили по 12 четей [33]. Не участвовали только Иван с Кирилой; они шли в отвод. Затем началось бесконечное дело с кня-

[3] Вероятно – седьма (седьмая). – *Примеч. ред.*

зьями Горчаковыми, бившими челом на Болотовых, что они неправильно получили 86 четей из шестуновского именья.

Это опять весьма характерная для своего времени тяжба, рисующая нравы и взгляды тогдашних помещиков; в таких делах сильно отражалось стремление служилого сословия обратиться в класс преимущественно землевладельческий. Аппетит к землевладению стал быстро развиваться после смутного времени. В XVII веке знатные и незнатные дворяне очень охотно заводили земельные споры, ревниво присматривались, нет ли где поблизости клочка земли, на который старый увечный владелец терял право, нет ли в чьем поместье лишнего против писцовой книги. На такой клочок налетало разом несколько челобитен, и многим хорошо принимавшимся за дело удавалось получить просимое.

Князь Горчаков старался доказать[36], что еще покойный Шестунов получил из земель князей Гундоровых лишних 86 четей сравнительно с поместьем, какое указано за последними писцовой книгой 1578 года, теперь же эта неправильно захваченная земля сдана Болотовым, тогда как она должна считаться свободной; поэтому он предлагал взять ее у них обратно. Дело началось еще при жизни обоих Семенов Дорофеевых. Вел его, главным образом, Панкрат Безсонов от имени остальных, и вел довольно энергично. Тогда уже среди служилого сословия начинал появляться тип гражданского дельца, ходока по приказным делам, охотно занимавшегося тяжбами. Совсем юношей Панкрат из всей семьи отличался на этом поприще. О его военной службе нет никаких известий, как будто он вовсе не служил, приказные же дела вел счастливо, сумел получить хорошую прибавку в свой оклад из поместья

Григория Васильева, выхлопотал для братьев по 12 четей из Шестуновских дач. После смерти Панкрата Горчаковское дело вел Кирило Ерофеев, более грамотный и развитой делец. Князь Горчаков доказал-таки, что 86 четей действительно были лишними, примерными у Шестунова. Кирило не мог этого отрицать, но возражал, что по указам нельзя поднимать поместных споров по делам, которые покончены до большого Московского пожара 1626 года. В то время как противник не покидал почвы законности в земледельческом вопросе, Болотов скоро перешел на почву служебных прав. За время польских войн его семья очень уменьшилась, многие ее члены сильно пострадали в походах, и Кирило отписывался по своей тяжбе так: «С этих пустошей все наши родичи служили; четверо их убито, а двое в полон взято. Не вели, государь, отнимать за кровь и за раны выслуженное поместье». Это дело пережило правление Софьи, царствование Петра и, наконец, при Екатерине II мирно кануло в вечность.

Едва только потомки Ерофея утвердились в своих поместьях, началась кровавая тринадцатилетняя война с Польшей, временно утихавшая только ради борьбы со Швецией. Такая продолжительная борьба с самыми могущественными соседями потребовала со стороны России громадных затрат и страшного напряжения сил. В 1654 году, как известно, сам царь Алексей Михаилович двинулся с большою торжественностью к литовским границам и лично вел осаду Смоленска. Первые три года военные действия велись с блестящим успехом. Но с 1658 года война затянулась, и целый ряд неудач подверг тяжким испытаниям и наши военные порядки, и наши финансы, и, наконец, чуть было вновь не зашатался весь внутренний порядок государства. Наша дворянская конница старинного беспорядочного строя особенно сильно пострадала в литовских походах. Современник этой войны, желая, кажется, похвастаться перед иностранцами русскими порядками, весьма наивно выдает всю нестройность вооруженной дворянской толпы[37].

Продолжительность походов, недостаток в продовольствии измучили и разорили воинов-помещи-ков, да и регулярным полкам не успевали вовремя выдавать содержание из опустевшей казны. Никогда еще в русских войсках не падала так низко дисциплина, как в несчастный период этой польской войны (около 1661 года, после Конотопского поражения). Недостатки наших военных порядков сделались так очевидны, что реформы, и самые коренные, ожидали только смелого и решительного на опыты преобразователя.

В эту тяжелую пору постепенно подрастало молодое поколение Болотовых и в свой черед выходило на дальние походы. Опять в усадьбах появлялись вдовы-попечительницы и посылали челобитные на запустевшие участки; их сочиняли и подписывали, по их женской безграмотности, духовные отцы, священники соседнего погоста Николы Русятина. Незаметную, но прочную службу водворению внутреннего порядка в русских областях могли сослужить подобные Дарьицы, Антонидки и Афросиньи, деревенские опекунши, усердные собирательницы жалованного семейного добра; так, часто стоило только небогатому малосемейному помещику сложить свою голову на далекой украйне, как его деревни шли в разор и прах; безгосударные крестьяне, натерпевшись обид от соседей и разбойников, уходили на поиски за новым домом и новым боярином, а пашни на многие годы порастали лесом. Даже родовитость семьи, богатство, влиятельная служба вотчинника не спасали от беспорядков и даже крушения сельское хозяйство в вотчинах и поместьях при перемене владельца. Такой крупный боярин, как В. Б. Шереметев, горько жаловался царю Алексею из крымского плена[38]: «Некто недруг мой внес в люди на Москве, что будто я, холоп твой, в неприятельских нечестивых руках в Крыме умер. И слыша то, холопы мои учинились непослушны: сынишку моему в домишку его объявилось от холопей воровство великое… И в деревнишках, которые приказаны людишкам моим, хлеб мой они покрали и мужиченков разогнали, а иных мужиченков моих роздали и распродали. Из нижегородских моих деревнишек… человек мой Бойка Корсаков многих мужиченков роздал детям боярским без записки и без очных ставок, для своей корысти поймал у них многие деньги. И на осталых мужиченков человек мой, Бойка, правил деньги, рублев по сороку и по пятидесяти, неведомо по каким варварским записям. Человек же мой, Мишка Збоев, в Арзамасской моей деревнишке в сельце Панове воровал, наругался над крестьяны, впрягал в сохи и на них пахал, и от сох крестьяне помирали. И такова поруганья над крестьяны и в нечестивой стороне бусурманского закону и злова народу не бывает…».

Когда постихла многолетняя военная тревога и начались переговоры о мире (1667), выздоровевший от ран Кирило Ерофеев[39] с сыновьями вернулся на родные берега Скниги. Посчитались они своими, и оказалось, что из потомства четырех братьев Горяйновых осталось всего пять человек: Таврило и Кирило Ерофеевы с племянником Ларионом да двое Еремеевых; последние вскоре тоже умерли один за другим. Потужив о судьбе родичей, практичные Ерофеевы принялись хлопотать о приобретении в свою пользу их запустевших поместий; за приказные дела взялся вполне грамотный и сообразительный жилец Кирило.

Тогда уже пресеклось потомство несчастного, рано искалеченного Безсона. Старший Безсонов, Панкрат, ходок по приказным делам, не успел насладиться поместьем Григория Васильева, не успел даже жениться; он умер в 1654 году[40], дома или в походе – неизвестно. Младший брат Емельян был уже в Литве, но недолго провоевал; в самую блестящую пору войны, когда литовские города сдавались один за другим, его убили в 1655 году под Могилевом. Их поместья оставались, кажется, пустыми до самого возвращения двоюродных братьев, Кирилы и Гаврилы, с войны. Те немедленно стали просить себе в оклад это порожнее и «родственное», как выражались тогда, поместье. Однако же счастливейшие Болотовы получили его далеко не сполна, – всего только 60 четей в поле (90 десятин), по 20 четей на брата; остальные 80 или 90 четей куда-то отчислили. Крепостей на свои земли Болотовы подолгу не получали. За последние годы войны в Кашире воеводствовал некто Писарев, вероятно, родственник того зятя Григория Васильева, с которым тягался Панкрат Безсонов из-за 40 четей. Воевода не давал ходу делам семьи и надолго запутал производство. Один из Ерофеевых прямо писал в Москву, что у них с воеводой ссора в поместьях и крестьянах, и просил высылать бумаги на имя серпуховского губного старосты.

Судьба Еремея Горяйнова и его сыновей оказалась особенно трагичной. В 1638 году он вышел, как уже сказано, в меньшую статью поместной конницы. Как хозяин, мы видели по

писцовым книгам, он отстал от старшего брата и не делал попыток к улучшению хозяйства; по службе он, кажется, отстал еще больше. В то время как племянники обучались немецкому строго, легко и быстро поднимались до жилецкого и выборного списка, он невозмутимо делил судьбы доживавшего свой век поместного ополчения. В эпоху польской войны у Еремея подрастали три сына и две дочери. Сыновья один за другим выходили вместе с ним на службу. Старший, Филимон, поступил прямо в рейтары и, таким образом, в юности прошел строевую науку. Вместе с отцом он отслуживал самую тяжкую пору польских войн, когда к ним присоединились смуты в Малороссии, замешавшие в войну крымцев. Это была пора битвы при Конотопе, когда под начальством воеводы Трубецкого легла костьми почти вся поместная конница, пять лет назад блестяще начавшая войну. В этом страшном побоище до пяти тысяч вместе с воеводами попали в плен и были перерезаны татарами (28 июня 1639 года). Среди них и Ерема Горяин пропал без вести.

Гибель большого войска привела в ужас Москву. Царь надел печальное платье. Думали, что гетман Виговский с ханом пойдут прямо к столице, но они удовольствовались победой и не выходили из Малороссии. По Коломенскому, Каширскому и Другим уездам украйны разбежались «воровские люди», которые запугивали уездных, сельских людей скорым приходом крымцев и пользовались паникой. Беззащитные сельские жители начали даже толпами сбегаться из сел и деревень в города под защиту острогов. Народ вспоминал несчастную битву в своих песнях; впечатление этой эпохи через семейные пересказы отразилось и на страницах мемуаров А. Т. Болотова; он описал участь своего предка Еремея очень картинно и трогательно; горестный эпизод битвы принял у него героический оттенок, и вся история семьи Горяйнова обратилась в сентиментальную поэму. Нужно заметить, что сыновья его не были убиты тут же под Конотопом; принимать участие в этом деле мог один старший, который, может быть, и был тогда ранен; но, во всяком случае он после плена отца успел побывать дома и укрепить за собой и за братом отцовское поместье. Все были уверены, что Еремей погиб во время бесчеловечной резни пленных[41]. Братья разделились не по обычаю: отцово Трухино Болотово с пустошью Гвоздевской (всего 300 четей) взяли себе оба старшие, а младшего, Панкрата, оставили ожидать себе нового оклада.

Скоро Филимон с Иваном вышли на новые службы, с мятежниками; мятежи долго не давали тогда покоя служилым людям, которые давно уже, по замечанию Ордин-Нащокина, заскучали службой от долгой войны и сделались нерадетельными.

Иван Еремеев служил в Малороссии во время смут Брюховецкого и Дорошенки и близ Чернигова из полков Григория Ромодановского был захвачен в плен крымским летучим отрядом. Это случилось, вероятно, летом 1668 года, когда воевода осаждал Чернигов, и его отряды гонцов и рассыльщиков часто попадались в плен татарам. Иван пропал без вести и навсегда[42].

Два года спустя находим Филимона под Тамбовом в числе наспех собранного туда служилого люда; там появились передовые шайки Разина. Они двигались от Симбирска по двум направлениям, к Тамбову и к Нижнему Новгороду. Вокруг Шацка и Тамбова поднялись массы сельских людей над начальством опытных зачинщиков из армии самого атамана. Под самыми городами мятежники укреплялись в деревнях и слободках и отсюда подолгу боролись с царскими полками. В 1671 году Филимона «воровские люди убили под Тамбовом», как писал третий брат Панкрат. Последний, хотя по летам и поспел на службу, но на ту пору оказался в деревне, и только было начал хлопотать о получении поместий братьев, как тут же дома и умер. Какой-то злой рок преследовал даже женскую половину семьи Еремея; к нему и его потомству могло по справедливости перейти отцовсвое прозвище Горяйновых. Записки А. Т. Болотова весьма правдоподобно и согласно с эпохой рассказывают, как зимнею ночью разбойники напали на трухинскую усадьбу, мать-помещицу предали мучительной смерти, дом весь разорили; ушла одна только жившая с нею незамужняя дочь, босая, неодетая. Добежала она кое-

как по морозу за три версты в Дворениново, но там тотчас заболела и умерла. Только замужняя дочь Анна Ладыженская дожила до удивительного возвращения отца из татарского плена.

О житье семьи Ерофея в дворениновской усадьбе за время польской войны осталось мало сведений. Под главенством вдовы Дарьицы семья, по-видимому, жила дружно. Вместе со всеми жила жена старшего сына Ивана, еще в год смерти отца поступившего на службу; о последнем знаем только, что он должен был участвовать в литовских походах; кроме того, он служил в жильцах и числился в жилецком списке почему-то много лет после своей смерти. Умер он рано, раньше 1660 года, потому что в этому году, при всей медленности делопроизводства, успели утвердить за его женой ее вдовье прожиточное именье[43]. Смерть Ивана заставила Дарьицу решиться на общую разверстку мужниных поместий между своими домашними. Это было тем более необходимо, что невестку-вдову с ее девочкой следовало обеспечить прожитком, с которым она, еще молодая женщина, могла бы выйти замуж; Кирило, второй сын, давно ушел на службу; Борис с Гаврилой тоже подрастали. Из окончательного раздела видно, что все члены семьи, имевшие право на оклад, получили поровну; мать, два сына и внук получили по 60 четей с лишком, невестке Прасковье с девочкой на ее вдовью часть дали 61 четь – 41 на мать, 20 на дочь. У вдовы был уже высватан жених, Иван Вальцов, поручик нового солдатского строя. В старину сватовства велись просто и откровенно; попадались даже челобитные на государево имя, в которых от имени невесты свидетельствовалось, «что ее жених ждет и готов жениться, если государь пожалует, велит справить за нею ее прожиточное поместье».

Малопоместного Вальцова Дарьица приняла, кажется, в свою усадьбу как родного. Ее сыновья вели некоторые дела сообща с этим свояком, а чтобы лучше его обеспечить от имени его маленькой падчерицы, уступили ему и его прожиточные 20 четей. Ерофеевы действовали солидно и хозяйственно; заботились о родичах и домашних, но делали это с возможными для себя удобствами, любили сохранять жеребья своих земель под своей опекой.

Года три после этого события, в 1663 году, погиб Борис Ерофеев[44] близ Губарей[45] во время стычки воеводы Долгорукова с поляками; он не оставил ни жены, ни детей, и его оклад в отцовском Дворенинове перешел в старшему теперь брату Кириле.

Старуха Дарья первенствовала в усадьбе все время, пока подрастали дети и внуки, одного за другим снаряжала она в походы, правила домом и хозяйством за все годы войны, когда молодые помещики почти не бывали дома. Только около 1667 года они вернулись с походов и принялись за свои сельские дела, забирая в свои руки поместья погибших родичей, и тогда утомленная домоправительница собралась на покой. Она довольно настрадалась на своем веку, перехоронила много народу, навозилась с невестками и внуками, – настала ей пора подумать об отдыхе, а покой и тишину тогда давал только монастырь. Дарьица Болотова постриглась в том же 1667 году. Свои прожиточные 61 четей она было завещала[46] (поступилась, как тогда говорили) внуку Лариону. Но внук не успел или просто нашел неудобным завладеть чем-либо отдельно от дядей и потому не просил укрепить за собой бабкино поместье, и оно пошло в новый общий раздел.

Трудно сказать, усердно ли служили Болотовы или отбывали службу по неволе, храбры ли они были или нет; но список всех погибших в походах членов семьи довольно внушителен и представляет маленькую иллюстрацию тяжелой и смутной жизни русского общества в царствование «тишайшего» царя Алексея Михайловича. Грамотей и делец Кирило имел основание писать в одной из своих челобитен 1667 года[47], что их, Болотовых, побито, изувечено и в плен взято в разных службах до 12 человек, а из оставшихся он, Кирило, ранен под Конотопом[48].

В награду за службы свои и родичей два брата Ерофеевы с племянником понемногу собирали в свои руки все поместья, какими были наделены потомки Гаврилы Горяина. Сами они, особенно Кирило и Ларион, являются людьми несколько иного типа, не такими, какими были их отец и дяди; их уже коснулся постепенный поворот русской жизни на новый, еще не вполне

определившийся путь. Записываясь на службу, они поступали не в поместную конницу, а в полки иноземного строя, в рейтары и драгуны. Пр и Алексее Михаиловиче число этих войск стало быстро увеличиваться; в них принимали не только беспоместных и малопоместных, как в первую половину XVII века, но дворян и детей боярских лучших статей.

Сыновья и внуки Ерофея рано попали под муштровку иностранных офицеров, и с тою же гибкостью и восприимчивостью, какою отличались их потомки XVIII века (мемуарист и его отец), скоро стали бойчее, живее и смышленее своей мелкой братии-деревенщины. В своих рейтарских полках они выслуживались в офицерские чины и в жилецких списках[49] числились начальными людьми. По свидетельству современников, да и по самому смыслу службы, в жильцы производили самых расторопных и способных из дворян городовых списков. Жильцам давались самые разнообразные поручения в Москве и в рассылках по уездам; они же назначались состоять при посольствах; самых опытных по строевой службе посылали офицерами в новые полки. Жильцы часто имели случаи возвышаться в ряды стряпчих, ключников и другие придворные чины. Болотовы обладали, по-видимому, этими необходимыми данными для разнообразной службы; способности в тому же подкрепились некоторой привычкой в дисциплине под немецкой ферулой.

Кирило был сильнее всех родичей в грамоте; судя по некоторым документам, он писал привычною рукой, твердо, четко, как хороший дьяк.

С 1669 года имена Кирилы с Гаврилой появляются в жилецких списках, а в своих полках рейтар-копейщиков братья служат начальными людьми. Служба их и прежде была на виду; крайне небрежные заметки дьяков на полях жилецких книг указывают, где они отличались и какие награды получали. После перемирия Гаврила получил за Конотоп, за битву против Сапеги по 100 четей в поместье, по 10 и по 6 рублей деньгами; за разные службы от 1б64годапо 1679 год, за торжественное объявление наследником царевича Алексея – по 100 четей и 12 рублей деньгами, всего на все более 500 четей.

Приблизительно столько же записали и Кириле, с прибавкой за рану под Нежином. В 1675 году Ларион Осипов появляется тоже среди жильцов на окладе в 315 четей. Всех наград по припискам дьяков ему полагалось до 500 четей; в том числе за Чигиринский поход и по случаю венчания царя Федора Алексеевича. В 1688 году всех троих Болотовых отставляют от службы. Читая приписки о наградах, можно подумать, что Болотовы получили чуть не боярские поместья; но эти пожалованья, подобно официальным окладам, далеко не соответствовали действительности: награды оставались на бумаге, а наши рейтары только беспрепятственно делили между собой выморочные поместья своих родичей.

Вне службы Болотовы внимательно занимались своим сельским хозяйством; как у Ерофея, в них сильна была жилка хозяйственности, и уже сказывались представители будущего землевладельческого класса.

Крестьянское население, прикрепленное к Дворенинову экономическими мерами Ерофея и Дарьицы, за немногими исключениями составило главную основу хозяйств Кирилы, Гаврилы и Лариона. Но, конечно, деревня, раздробившись между несколькими владельцами, лишилась прежней стройности и единства; участки земли разделились дробнее, население прибавлялось, и крестьянству пришлось потесниться; дети некоторых крестьян Ерофея у его сыновей пересели на бобыльские наделы.

Переписная книга[50] 1678 года рисует нам хозяйства последнего поколения XVII века. Трудно только при этом определить, каким именно количеством земли владели трое Ерофеевых, так как это количество постоянно изменялось в течение 20 лет; они беспрерывно приобретали и переделяли участки покойных родичей. А вскоре появление старика Еремея Горяйнова, неожиданно вернувшегося через 20 лет из татарского плена, произвело новый ряд замешательств. Автор записок[51] картинно и трогательно рассказывает, как старый воин бежал из тяж-

кого плена, несмотря на свои подрезанные и набитые конским волосом пятки, и со страшными мучениями добрел пешком до своего Трухина; как добрые поселяне его деревни узнали своего бывшего помещика в страннике, сидевшем в рубище на развалинах своей старой усадьбы; как страдалец горестно рыдал, узнав, что из семьи его никого не осталось, что поместьем владеют дворениновские племянники и самая усадьба перенесена на другое место. Старик тотчас решил оставить родичей мирно владеть поместьем, а сам попросил у них дать ему уголок в доме, где бы он мог мирно доживать свой век.

Возвращение измученного героя было, конечно, весьма трогательно, но документы свидетельствуют, что он немедленно потребовал и получил обратно свои земли[52], кроме тех, которые были выданы его дочери Ладыженской. Подержав их лет с десять,

Еремей незадолго до смерти начал дело об уступке Трухина тем же родичам[53]; но оно перешло в начале XVII века уже к новому поколению дворениновских помещиков, когда все старые родичи сошли со сцены. При такой изменчивости владений, благодаря поместной системе, весьма мудрено проследить, сколько за каждым Болотовым было земли в рассматриваемое время.

В 1678 году находим в Дворенинове три помещичьи усадьбы. На усадебном дворе Кирилы жили рабочие, деловые люди, четыре взрослых молодца, из них один семейный; да при усадьбе стоял двор задворного человека с многочисленной семьей; старший сын его числился в бегах. В деревне Кирило имел три двора на свою третью часть: многосемейный двор крестьянина Кащеева, одного из сыновей Марчки Антонова, старинного (20 г.)[4] делового человека Ерофея да два двора бобылей, переписанных из отцовских крестьян. Всего в трех Кириловых дворах жило 14 человек.

В усадьбе Гаврилы Ерофеева не было дворовых деловых людей; зато у него в деревне имелось пять жилых дворов с населением в 23 души, из них три двора бобыльских и два крестьянских. Шестой двор стоял пустым; из него бежал с многолюдной семьей старинный крестьянин, брат Кащеева. Вообще, сельский люд Гаврилы случайнее по составу и беспорядочнее, чем у его совладельцев.

Ларион Осипов немного обижен дворами перед дядями; у него всего два двора с 11 душами населения, но оба старинных крестьян, крепко засевших в деревне. На его усадьбе жило шестеро деловых людей, по большей части семейных. Один из них бежал перед самою переписью.

В Трухине у наших помещиков не было усадьбы, ее или перенесли в Дворениново, или оставили за Анной Еремеевой. Каждый из них владел здесь восемью душами мужеского пола. Ларион всех зачислил в один старинный двор и только с ним и ведался в Трухине. Но дяди, казалось, относились с большим вниманием к хозяйственным мелочам; каждый из них посадил на свой жребий по задворному человеку из закрепленных литовских пленников: вероятно, это были доверенные люди, заведовавшие работами и собиравшие доходы.

Старую усадьбу Ерофея наследовал Кирило, почему мемуарист исчитает его основателем «всего сего селения» (том II, 329); но этот хозяин только обсадил отцовский двор почти весь кругом прекрасным садом и, вероятно, подновил постройки. Ларион Осипов отстроил себе новую усадьбу неподалеку от дяди, за вершинкою у самого берега Скниги, ту самую, которую унаследовал в половине XVIII века автор записок; последний полагал, что некоторые надворные строения, как амбар и сараи, простояли без всяких изменений более 100 лет до царствования Екатерины II.

На короткое время у всех трех помещиков прибавилось было земли в Трухине; Анна Еремеевна Ладыженская[54] еще ранее отца поступилась им своими 75 четями (в од. п.), посту-

[4] Так в тексте. – *Примеч. ред.*

пилась даром, только с условием: если возвратится из плена пропавший брат ее Иван Еремеев, то все поместье вернуть ему; но затем скоро спохватилась и начала дело о возвращении своей земли. Вообще это довольно странное и темное семейное дело. Совершенно непонятно, почему Ладыженская находила нужным требовать, чтобы дальние племянники за ее 75 четей почитали, поили и кормили ее, как сироту бездомную, когда у нее по соседству в селе Сенине благополучно здравствовал ее второй муж, весьма состоятельный стольник. А едва только землю сдали родичам, она начала жаловаться, что они не поят и не кормят ее, и «как бы ей от этого голодною смертью не помереть и меж двор не пойтить». По суду ей не делали допроса на месте жительства, потому, может быть, что родичи заметно заминали это дело. Но, с другой стороны, за Анну стояли влиятельные соседи, Хотяинцевы, Иевские, духовник, русятинский поп, и подтверждали рукоприкладствами ее жалобы. Жалобам, однако, вняли и велели возвратить ей поместье. Выиграв дело, она тотчас поступилась или, вернее, продала землю своему деверю Леонтию Ладыженскому и племяннику Ивану Болотову, сыну Гаврилы, взяв с того и другого по 50 рублей, цена дорогая для того времени, за землю, строенье и крестьян. Может быть, ради этой сделки и велось это последнее курьезное дело дореформенной семьи.

Затруднительность в отыскивании судеб Анны Еремеевны по бумагам других дворянских родов лишает возможности узнать, была ли она разведена с мужем; по неопределенности ее положения можно предполагать, что была. В дореформенной России церковь терпела особый вид развода по взаимному соглашению супругов, форму довольно удобную при тогдашних нравах для мужей-повелителей, желавших избавиться от пожилых надоевших жен; в случае упорного несогласия жены властный владыка легко находил домашние меры принуждения. Более ранние каширские документы дают еще один тип такой женщины, выбившейся из обычной колеи женской жизни[55]. В деле о мене земель между Болотовыми и Палицыными отражается судьба матери одного из Палицыных, жившей несколько ранее Ладыженской; овдовев, эта женщина получила 171 четь на прожиток, обеспечение хорошее, с которым она вскоре и вышла замуж за князя Волконского. Года через три князь и княгиня подали вместе челобитную о разводе и были разведены, причем княгиня сохранила свое прожиточное – 171 четь. Разведясь, она, подобно Ладыженской, пребывала в каком-то неопределенном положении и путалась в своих распоряжениях: то поступалась всем своим поместьем сыну, то требовала его обратно, некоторые части продавала ему же за крупные суммы, некоторые опять уступала даром.

Тщательный подбор многих таких дел мог бы пролить яркий свет на внутреннюю жизнь помещичьих семей XVII века.

Сколько ни забирали Болотовы выморочных поместий, им все-таки приходилось сильно натягивать свои средства, чтобы приличным образом служить в начальных людях по жилецкому списку. Один особый доход значительно помогал им, – это каширские железные заводы.

Первые заводы, как известно, появились в тульском уезде по договору с Андреем Виниусом. Вскоре к этим заводам ради расширения дела примкнули Марселис и Акема (1634 год), они скоро выхлопотали себе особую грамоту на право заводить новые заводы и, кроме тульского, начали строить их и в каширском уезде. Частью само правительство помогало им, приписывая к заводам целые дворцовые волости, частью сами предприниматели снимали для своих промыслов удобные земли у помещиков.

Так, часть болотовских пустошей на берегу Скниги была взята в аренду Петром Марселисом еще при основании деревни Ерофея Горяйнова; но ни год, ни условия этой сдачи неизвестны. Только одна запись Кирилы с братом (от 1684 года[56]) и племянником свидетельствует, что уже третье поколение заводчиков ведет дела с Болотовыми: эту арендную запись они дали Христиану Марселису, внуку Петра, на земли берега Скниги, на котором давно стоял Нижний Каширский завод. Сверх тех земель, какие сдавались деду и отцу Марселиса, Болотовы сдали ему еще часть пустоши Гвоздевки под дворы и огороды мастеров с выгоном для скота. За все земли – а количество их не упомянуто – под завод и под хозяйства, Марселис обязался пла-

тить по 30 рублей в год да на 13 рублей поставлять железа помещикам. Кроме того, заводчик должен был чинить плотину на Гвоздевке, а на плотине построить мельницу; мельница строилась из болотовского леса, а потому он владел ею пополам с помещиками. Вспомнив, как страдали в старину от недостатка железа, как затруднялись самые богатые вотчинники в постройках и сельском хозяйстве недоступностью и затруднительностью подвоза этого продукта, легко понять всю выгоду для Болотовых и для всего их соседства от близости заводов Марселиса.

Так оправдало себя местоположение, выбранное Василием Романовым, а особенно Ерофеем, построившимся на Скниге. Обилие рек, в то время немаловодных, помогло развитию промысла, а промысел много помогал хозяйству крестьян и помещиков.

Отдых наших жильцов после Андрусовского перемирия был, по-видимому, непродолжителен; все трое не раз выходили на службы в Малороссию. Ларион был под Чигирином и получил награду за этот поход. Кирило и Таврило в 1682 году ходили к Троицкому монастырю на защиту царей, Ивана и Петра, от стрельцов и под самый конец своей службы участвовали в крымских походах Голицына; затем обоих дядей и Лариона отставили от полковой службы[57]. Первым дали довольно почетную награду для небогатых дворян: наравне со стольниками они получили в вотчинное владение по 20 четей с каждых 100 четей поместья. Таврило получил при этом сразу, как перечисляет одна бумага, за крымские походы 43 чети, по случаю заключения вечного мира с Польшей – 28 четей, и за Троицкий поход – 36 четей. Всего 107 четей перешли ему из поместья в вотчину; у Кирилы оказалось несколько больше – 143 чети. Лариона обошли вотчиной, да за ним и не были записаны троицкий и крымские походы.

Первым из поколения жильцов умер Ларион в 1690 году. А. Т. Болотов отмечает этого прадеда последним предком «в бороде». Ларион славился отличным ходоком по приказным делам, никогда не давал себя в обиду, был нрава неуступчивого и часто ссорился с родными, в разговоре употреблял примолвку: «реку». Во многих чертах он напоминает своих современников по Чигиринским походам, дедов другого автора мемуаров XVIII века Данилова[58], охотно прославлявших эти походы далеко выше Полтавской «виктории»; те же странные речи, полные ничего не значащих примолвок, те же суровые, крутые нравы, не выносящие возражений и препятствий, те же ссоры между родными и соседями, в силу которых деревенские самодуры ухитрялись сидеть многие годы в своих усадьбах, не видясь с братьями и племянниками, жившими рядом за огородом. Только Ларион Болотов как жилец и офицер значительно бойчее и, вероятно, грамотнее закоснелых арзамасцев. Между дедами и внуками резкой полосой прошла эпоха реформ, и внуки, судя по словам Данилова, плохо понимали этих стариков, Чигиринских героев, и даже дивились их странным речам.

Кирило Ерофеев умер в 1696 году, а Таврило – в самом начале XIII века. Так, старое поколение XVII века своевременно уступило место новому, когда для быстро изменившихся условий потребовались новые люди.

Поколение эпохи преобразований

В первой главе мы проследили с грехом пополам жизнь нескольких поколений семьи из служилого сословия, насколько позволяли ограниченность и сухость материалов; по самым свойствам этих материалов нам не удалось дать сколько-нибудь выпуклой, цельной картины, но и из тех малых данных, какие есть налицо, очевидна известная своеобразная стройность быта общественного и семейного. Служилый человек с детства, с рождения ставился в определенный круг жизни и деятельности. Существование и права женской личности тоже крепко связывались с формами этого служилого быта. Поколение за поколением выходило все на ту же службу, на ту же борьбу за развитие государства, получало за то обеспечение в виде поместья и в нем выращивало новое поколение в том же круге преданий и понятий. Только не было в этом порядке того, что придает живые краски и захватывающий интерес историческому прошлому: не процветала личная жизнь, не было жизнерадостных порывов личных сил; а если в сплошной однообразной массе и сказывались индивидуальные порывы, то в форме мрачного удальства, разбойничества или, наоборот, подвижничества, аскетизма.

О двух первых поколениях XVIII века записки Болотова высказываются кратко, но многозначительно: «Как около сих времен отечество наше под премудрым правлением славнейшего в свете государя Петра Великого начало из прежнего невежества выходить и час от часу просвещаться, то и дед мой воспитал детей своих не по примеру своих предков, но гораздо лучше». Он отдал обоих сыновей в немецкую рижскую школу, и с этой поры для мемуариста как бы начинаются времена исторические – явление очень характерное. Резкое отношение к дореформенным предкам вполне соответствовало общему настроению русской сколько-нибудь образованной публики екатерининской эпохи, когда писались мемуары. Подобные восторженные отзывы о реформе очень характерны и для той среды, из которой они выходили и к которой принадлежал Болотов; это была среда московской дружины, послушной и дисциплинированной под давлением принудительной государственности. Дружина веками вела темную незаметную работу над созданием своего государства на глухом северо-востоке, и только после тяжких испытаний XVII века среди нее проявилось сознание, как можно осветить и улучшить свой быт, появились и новые потребности, примирявшие ее с иностранцами. В эту же пору присоединились в Москве южные приднепровские земли с населением иного исторического воспитания; к переписанным закрепленным сиротам и слугам московского государства примкнула многотысячная толпа вольницы, среди которой исстари всяк был себе пан, и оборванный голыш, и разубранный атаман, где не существовало никаких элементов государственности и процветали только вольные товарищества. Слабая шляхетская республика только поддерживала вольное пановань своих соседей, но зато дала казацкому народу кое-какие юридические обычаи да известную привычку к школьному образованию. Новый этнографический элемент дал сильный толчок быту московского общества. Движением овладел молодой вождь, олицетворивший собой все черты эпического богатыря, и призвал к делу обновления государства ближайшее орудие своей власти – ту же служилую дружину; в общем, она охотно откликнулась на призыв, давно утомившись монотонным существованием; надоела постоянная возня с неугомонными соседями среди необеспеченных границ, обратившаяся в мучительное топтанье в заколдованном кругу; не сладка была безрадостная жизнь – служба без определенной выслуги, с перспективой безвестной кончины на дальней стороже или рабства в татарском плену. И покряхтывая по слабости человеческой, отлынивая от дела, дружина охотно все-таки пошла за смелым вождем добывать права и средства для усовершенствования своей жизни. Зато с первыми успехами вера в вождя и в силу нововведений стала быстро расти среди дружины преобразователя, тем более что она же первая пожала плоды этих успехов; служилые люди еще скорее старались позабыть свои прежние холопские клички и из Ерошек, Ивашек и

Кирюшек с восторгом обращались в их благородия и высокородия, в благородное российское шляхетство. Дети и внуки их под впечатлением этого восторга с особенным удовольствием стали вести историческую эпоху от этих счастливых времен.

Что касается обитателей Дворенинова и Болотова, то они принадлежали даже к числу самых подготовленных к реформе сельских дворян; благодаря каширским заводам они имели возможность давно освоиться с иноземцами; немецкие приказчики и мастера со своими семьями прочно усаживались тут же близ их деревень; из частых столкновений и разговоров узнавали порядки и обычаи других народов, оценивали их и привыкали к ним. Вместе со службой в строевых полках немецкого образца и выучки все это должно было воспитать из Болотовых и их родичей особый, еще совсем бледный для истории тип поместного дворянства конца XVII века, которое энергично защищало правительство юных братьев-царей от стрельцов, старой гвардии, устаревшей верой и обычаями.

С наступлением эпохи преобразований старые воины Болотовы выбывали из строя. Все трое, Кирило, Таврило и Ларион, оставили каждый всего по одному наследнику; то были уже безбородые деды мемуариста А. Т. Болотова, первые в роду носители немецкого мундира. Свою служебную карьеру они начали по проторенной отцами московской дорожке; небогатые каширцы давно чувствовали себя в Москве, как дома, и на царском дворе имели свояков и милостивцев, а потому их сыновей еще мальчиками вносили в жилецкий список. Сын грамотея Кирилы, Матвей, юношей произведен в стряпчие, а на полевой службе, в новых регулярных полках, быстро получил чин капитана; его родичи, Иван Гаврилов и Петр Ларионов, остались жильцами, а первый так и не выслужился из поручиков; Иван рано захирел и умер в 1713 году, не оставив детей. Обеспечив его вдову, его вотчину и поместья разделили поровну между Матвеем и Петром. Для потомков Петра это наследство оказалось весьма важным; как старинные владельцы нескольких десятков четей вотчинной земли они были впоследствии записаны в старинное столбовое дворянство.

Со смерти Ивана линии Матвея Кирилова и Петра Ларионова совсем разделяются и ведут врозь свою историю; поэтому в дальнейшем изложении мы оставим в стороне линию Кирилы и займемся исключительно потомством Петра, то есть семьей мемуариста.

Петр Ларионов, судя по его служебным записям, родился около 1680 года. Его отец, умирая в 1690 году, оставил своей вдове с сыном и двумя дочерьми поместье в 240 четей в поле (360 десятин). Года через три вдова Аксинья собралась выдавать замуж старшую дочь Дарью за какого-то Нестера Иванова; чтобы устроиться хозяйством и выделить ей на приданое, она от себя и от имени сына просила справить за ними поместье мужа; при этом в своих челобитных оба умолчали о существовании младшей дочери Аграфены. Но уловка не удалась; первый раздел между вдовой и сыном отменили и прислали новую вводную грамату, по которой обиженной Аграфене определили целых 46 четей из общего достояния, больше прожиточного самой вдовой. Дарья же, невеста, получила всего 14 четей, которые дали ей мать и брат в складчину, и вышла замуж куда-то вдаль; имя ее больше не поминается в семейных делах.

Сама вдова Аксинья была еще молодой женщиной, имела достаток, 50 четей своего приданого да 38 четей от мужа вдовьих прожиточных. Пристроив старшую дочь, она вышла сама замуж за соседа каширца, стряпчего Игнатия Бакеева[59]. Близ Дворенинова, верстах в 10, в деревушке Калитине и несколько дальше в Пирогове, жило много Бакеевых; большого достатка у них незаметно; у каждого из шести родичей была своя усадьба и всего по одному крестьянскому двору. У некоторых были еще двора по два, по три в более южных и хлебородных уездах, как в Чернском и Епифанском; оттуда в малоземельные деревеньки возили хлеб. Самый важный по чину, стряпчий Игнатий Антонов, жил на широкую ногу, держал в своей усадьбе целую толпу дворовых, чем и отличался от смирных небогатых соседей. Он оказался, впрочем, добрым, заботливым отчимом, уступил пасынку 28 четей из прожиточного жены, а себе оставил только 10; сообща с товарищами московской дворцовой службы, дядями Болотова,

устроил его судьбу: Петра записали еще недорослем в жилецкий список 1676 года и сделали так, что его два года не требовали на службу: «для малых лет посылать не велено», гласили приписки дьяков против имени нового жильца.

Между тем недоросля малолетка женили за это льготное время, и довольно выгодно; за женой, Катериной Бабиной, Петр получил 60 четей с тремя дворами крестьян в Каширском и Епифаньском уездах, да впереди предвиделось наследство после слабого жениного брата; получил, вероятно, хорошую приданую движимость, «рухлядь», по выражению того времени, так как тесть, кроме поместья, имел свой двор в Москве[60]. Едва справили свадьбу, Петру нужно было собираться на службу; тогда царь Петр вернулся, наконец, из заграницы, и ожидались большие походы.

За свадебными затратами пошли сборы на московский смотр и затем на долгую отлучку, которая требовала запасов и денег. Начало службы стоило Петру очень дорого и оставило тяжелые следы на его хозяйстве. В 1698 году он заключает своеобразную мену с соседом Палицыным, отдает 25 четей своей земли за 2 чети во Владимирском уезде и получает с последнего 200 рублей «на расплату долгов», как свидетельствует документ[61].

В этом же году Петр впервые является на службу. В разряде по челобитной, поданной дьяком Замятниным, его записывают поручиком в большой полк, а на его место в неизвестный низший полк, где он только числился недорослем, переведен из большого дворянин Елютин. Тут каширцу пришлось сойти с прародительской дорожки; юноше не довелось отращивать бороды; его скоро облачили в немецкое платье. «Настало регулярство», как выражается мемуарист, и настало среди мрачной обстановки; Москва дымилась кровью; розыски, пытки, казни поглощали время и энергию царя; начиная с терема и собственной семьи, всюду гремел его неукротимый гнев, и нигде не было от него спасенья; отражался он и в мрачном ожесточенье, с с каким начался поход на бороды и старое московское платье.

В течение 1699 года мир еще не нарушался; но всюду усиленно готовились к войне и всесторонним реформам. Гвардия и Большой полк (под начальством Шеина) все время держались в готовности; люди возбужденно настраивались; ожидали походов, тяжелых и решительных. Еще в феврале служилым людям объявили в виду этого отсрочку в их делах по судам. Только в конце лета 1700 года начался первый шведский поход.

Далее о службе Петра Ларионова мы имеем почти так же мало известий, как о его отце и дядях. Только следя за именами полков и начальников, можно догадываться, где какую судьбу имели наши каширцы; в общем можем сказать, что молодые Болотовы и их родичи Бакеевы отслужили верой и правдой за все время великой и шведской войны. Петр до самого взятия Риги числился по старым разрядным книгам все в том же огромном корпусе, который называли Большим полком. Под Нарвой он разделил горькую участь всех своих плохо обученных по новому образцу земляков; потом с остатками разбитых войск стоял под командой Шереметева на шведских границах. В апреле 1702 года, состоя с другими жильцами в полку окольничьего князя Шаховского, был переведен на время в Дорогобуж; Петр был тогда уже капитаном, чин немалый для его лет и для мелкого дворянина того времени.

Вскоре после этого похода жильцов отпустили из их полков на короткий отдых, но всех ли на побывку домой или отправили прямо в Москву, сказать мудрено; только в декабре 1702 года из разрядного приказа им велели по царскому указу съезжаться в Москву на смотр к 15 января 1703 года. Петр Ларионов приехал к сроку, записался прибывшим «с Каширы» и поместился у своего тестя Бабина в доме за Пречистенским городом у Нового Воскресенья[62].

В феврале жильцы ходили отрядами в разные числа на смотры в столовую палату. Со смотров их делили на группы и снова рассылали по полкам. Капитан Петр оказался в первой группе, в числе 891 человека начальных людей и кадет, отправленных в Большой полк; с тех пор до прекращения жилецких списков (1710 год) он неизменно отмечался капитаном

того же полка. Точность этих записей весьма сомнительна; старый разряд доживал тогда свои последние годы, и старое деление полков позабывалось; с регулярством явилась новая военная администрация и новая группировка военных сил. Капитаны и майоры, переселившись на Балтийское прибрежье, забывали свои московские чины жильцов и стряпчих и совершенно свыкались с немецкими рангами и титулами. Старый обиход понемногу таял в новом, и жилец-Болотов давно мог состоять капитаном в Ингерманландском или Невском полку, этих воспитанных шведскими побоищами полках, которые боролись рука об руку с преображенцами и семеновцами, а дьяки по старой памяти все писали по-своему.

Внук-литератор не знает всех служб своего деда, но помнит, что он долго жил в Риге, там умер и погребен (в 1719 году). По всей вероятности, Петр закончил свою походную службу под командой того же Шереметева, и взятие Риги было его последним боевым подвигом; отсюда полки знаменитого воеводы пошли в Молдавию в несчастный Прутский поход, но Петр в нем не участвовал. При Петре I раненых, ослабевших, а также в награду за боевые заслуги переводили из полковой службы на более спокойную гарнизонную; между прочими и Болотов оказался на покое майором гарнизонного полка в важном портовом городе; здесь он провел последние годы жизни. Его жены, Катерины Григорьевны, тогда давно уже не было в живых; она всего лет пять прожила замужем и умерла одна в поместье, в самую горячую пору мужниных походов, оставив на произвол судьбы двух мальчиков, младшего грудного. Сирот взяла на воспитание ее замужняя сестра, вскормила и сберегла их, пока отец, прочно устроившись на новом месте, не перевез их к себе в Ригу.

Здесь у Болотова скоро завелись земляки, а после 1716 года полковником гарнизона сделался владелец соседнего с Двориниовым сельца Калитина, Степан Гаврилович Бакеев. Такой же мелкий дворянин, как и Петр Ларионов, он стал со временем истым героем петровской службы. Офицер Ингерманландского полка, одного из первых вполне регулярных и воспитанных военной реформой, он участвовал во всех знаменитых битвах своего времени наряду с гвардейцами. С лучшими людьми армии и гвардии Бакеев не раз служил на море, вникая в таинства совершенно новой для москвичей морской службы. В 1716 году он особенно отличился в морской битве при Гангуте, этой Полтаве на море, когда наш флот одержал впервые настоящую победу над шведами. Сам царь, выстаивавший тогда ночи на карауле, руководил приготовлениями и самой битвой. Наш галерный флот в тихую погоду обошел шведскую эскадру среди белого дня, держась вне выстрелов, окружил отделившиеся суда шаутбенахта Эрншильда и взял его в плен после отчаянного сопротивления; эскадра же с первым ветром отплыла к Швеции. Шведы громили осаждающих своей прекрасной артиллерией, но наши рвались на абордаж. В последние минуты боя Эрншильд бросился в шлюпку, пытаясь скрыться за туманом, но его захватил капитан Бакеев со своей ротой, гренадер Ингерманладского полка. «За сие пожалована была ему от государя Петра Великого золотая медаль с цепью и записано имя его в журнале сего монарха», с гордостью отмечает мемуарист. Петр был в восторге от своей победы; описание ее в журнале он заканчивает словами: «Воистину нельзя описать мужества наших, как начальных, так и рядовых; понеже абордирование так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым разорваны». Вскоре затем Бакеев оказался полковником рижского гарнизона, как бы на отдыхе; там он сошелся и породнился с Болотовым, выдав свою единственную дочь за его сына.

Такова в кратких чертах судьба двух представителей самых крутых лет петровской эпохи. Вглядываясь в нее, сопоставляя с судьбой других современников, нельзя не заметить, что, в общем, жизнь и служба людей первого поколения XVIII века были светлее и легче незаманчивой доли их отцов и дедов; о новом поколении гораздо больше заботились, и положение служилого класса улучшалось и с служебной, и с хозяйственной стороны. Правда, и при Петре, по свидетельствам современников, у Меншикова, Шереметева и других воевод терялась чуть ли не половина армий на пути в Польшу и прибалтийский край; было много побегов от недостатка

провианта, от неаккуратного платежа жалованья; но результатом тринадцатилетней польской войны оказалась деморализация русских войск всех родов оружия и полное поражение местного ополчения; наоборот, более продолжительная Северная война воспитала новую русскую армию и дала ей боевой закал. Все царствование Петра I полно забот об усовершенствовании военных сил и обеспечении военного люда; среди них было положено начало особому военному сословию, так как военное дело того времени требовало большой подготовки; основой этой специальной группы населения сделали рекрут, сдаточных солдат, собираемых на постоянную службу с податных дворов; поэтому вся тяжесть военной службы ложилась теперь на низшее сословие; скоро солдатчина обратилась в один из видов наказания. Реформа в военном деле много способствовала тому, что судьбы высшего и низшего класса быстро разделились.

Но пора вернуться к Болотовым. Целая каширская семья переселилась в Ригу; сделалось это легко и просто. Петр Ларионов оказался покорным слугой своего времени, быстро подчинялся его запросам и с готовностью сжился с немцами. Учась смолоду у немецких офицеров, много лет прослужив с ними, он вполне подготовился к новой обстановке. Блестящие успехи регулярства последних лет войны подействовали на него неотразимо убедительно: в Риге он отдал обоих сыновей учиться в немецкую школу и так держал их, что оба, особенно старший, очень любили общество иностранцев, сделались даже поклонниками немецкого гения. Старшего, Тимофея, судьба на всю жизнь связала с немцами и прибалтийским краем. Школьные воспоминания и рижская обстановка должны были положить свою печать на личности этих питомцев эпохи преобразований. Что же представляла в ту пору Рига?

После 1710 года город и весь край представляли крайне печальную картину. С начала Северной войны всякая производительная деятельность в Лифляндии и Эстляндии прекратилась надолго; страна с каждым годом беднела и пустела от голода, эпидемий и военных погромов. Уже в 1705 году она не могла выплачивать шведскому правительству и 12 доли того, что платила в XVII веке. Русские войска медленно и неумолимо надвигались на нее, разрушая с севера и востока старые ливонские города. Население озлоблялось и дичало в мучительном ожидании исхода борьбы; а исходом явилась осада полками Шереметева, во время которой развилась чума в осажденном городе и помогала нашей артиллерии истреблять рижан. При сдаче, если не считать прислуги, в городе оказалось всего 800–900 человек жителей. Тяжка была жизнь этой кучки рижан, и непривлекательны, конечно, первые картины хозяйничанья наших утомленных и раздраженных долгой войной войск. Затем в течение первых 10 лет русского владычества почти каждый год приносил Риге какие-нибудь бедствия; в 1712 году появилась чума, в 1713 – страшные бури, в 1714 году – падеж скота, в 1716 году – необыкновенные холода и так далее. Во время войны, многолетних тревог, одичания и притупления первых поколений XVII века образование сильно упало в Лифляндии. Гимназия, основанная в 1631 году и кое-как заменявшая университет, в 1710 году закрылась навсегда; лицей, в котором получали образование исключительно сыновья дворян и офицеров, бездействовал до 1733 года, когда его снова открыли. Не закрывалась одна только соборная школа (Domschule) и работала потихоньку, сократившись до двух классов вследствие малого числа учеников. Полагаем, что именно в этой простой школе грамотности учились Тимофей и Матвей Болотовы; они научились в ее классах немецкой грамоте и арифметике; русской их обучали домашними средствами. С этими элементарными знаниями они поступили на службу и, уже числясь в нижних чинах своих полков, принялись за высшие математические науки, необходимые для успешной карьеры в офицерском звании. Твердо усвоив арифметику, предмет основной в лифляндских школах, обыкновенно подготовлявших коммерческих людей, они охотно и хорошо изучили геометрию и фортификацию, старший Бог знает у кого, а младшего, унтер-офицера Ингерманландского полка, судьба столкнула где-то с одним из петровских любимцев, Ганнибалом, и он под его руководством прошел эти науки. Матвей Петрович свято до самой смерти хранил

тщательно переписанные тетрадки с ганнибаловскими задачами; по ним учился в 50 годах его племянник-мемуарист, когда готовился к офицерскому чину.

Оба брата состояли на службе, старший был офицером[63] и едва ли уже не женатым, когда умер отец в 1719 году. Долго пустовавшее Дворениново, заброшенное за служебным недосугом, перешло к новым владельцам при очень неудобных условиях; указ о майорате, так называемые пункты, не позволял братьям делиться поровну. Чтобы избежать неприятных последствий обделения младшего, они долго не справляли за собой наследства; долго семьи их жили в одной усадьбе[64], пока указ Анны Иоанновны, отменявший майорат, не разрешил им разделиться по старинному обычаю.

Следя за службой наших героев, мы перешли было в более культурную эпоху, перенеслись на давно желанное для России балтийское прибрежье, где западные начала стали понемногу приспособляться к русским и зарождалось пресловутое европеизирование. Возвращаясь к экономическому положению семьи, к дворянскому хозяйству, мы окунемся опять в старый XVII век; пред нами возникнет та обстановка сельской России, которая крепко-накрепко связывала всех фортификаторов и навигаторов, учеников немецких и прочих школ с родной каширской, калужской и тульской почвой. Ландратская переписная книга 1710 года[65] рассказывает дальнейшую судьбу Дворенинова и Трухина. В ее известиях прежде всего поражает та теснота, которая возникла на местах прежнего простора каширской украйны. Деревушки и сельца наполнились помещичьими усадьбами; мелкие дворянские семьи множились и ветвились, не переселяясь в более просторные уезды, что должно было производить немалое давление на крестьянские хозяйства, на личную жизнь и свободу действий сельского люда. В маленьком Дворенинове оказалось уже четыре усадьбы, три болотовские и одна Архарова, зятя Петра Ларионова; а Матвей Кирилович выстроил себе еще усадьбу в двух шагах в Трухине-Болотове. Правда, в помещичьих домах в то время жили только помещицы с детьми, увечные старички и старушки, многие стояли пустыми, как двор рано овдовевшего Петра Ларионова. У него жили в этой усадьбе восемь душ дворовых; на деревне стояли всего два двора отцовских крестьян, очень многолюдные; всего 20 душ мужского пола; в Трухине у него было три двора с 14 душами мужского пола, из них один новый, не отцовских крестьян. На все эти дворы в 1710 году приходилось всей земли с усадебной и барской запашкой 180 четей в поле; если разделим это число на все количество ревизских душ Петра Болотова, вместе с дворовыми 42 десятинами, то придется на душу по 4 чети, или по 6 десятин, да еще земли плохой, требовавшей, по свидетельству мемуариста, постоянного удобрения. Если же барская запашка занимала большую часть поместной земли[66], то крестьянские наделы оказывались весьма малыми; такое поместье трудно признать доходным для своего времени.

Только два наследства и женино приданое, которым он владел фактически, хотя его справили в 1714 году за обоими его сыновьями как наследство Бабиных, помогло майору Болотову прилично содержаться на службе. В 1713 году дядя, Иван Гаврилов, оставил ему 75 четей вотчинной и поместной земли с населением; после бездетной сестры Аграфены Архаровой он получил обратно ее приданые 46 четей из отцовского поместья. В общем он оставил сыновьям более 360 четей в поле и 10–12 крестьянских дворов, что с дворовыми должно было составлять более 70 душ. Поэтому внук-мемуарист, приписывая своему деду именье менее чем в 50 душ, ошибается сравнительно с документами; зато нельзя не согласиться с ним, что все эти разбросанные деревеньки, мелкие клочки в четырех местах, перепутанные чересполосицей с землями других помещиков, страдали недостатком земель и, за исключением приданого Епифанского клочка, плохими ее качествами. Следующее поколение принуждено было относиться гораздо внимательнее к своим деревням; оно начало выселять разраставшиеся дворы на степной простор и лучшие нетронутые земли в Тамбовский и Воронежский край.

Судя по возрасту Тимофея Петровича, он женился еще при жизни отца. У Степана Бакеева была единственная дочь Мавра, уже на возрасте; возить девочку с собой и держать ее по гарнизонам не приходилось; она росла дома в Калитине под опекой деда. Небогатый поместьями, полковник был знатен чином и выслугой и мог много помочь родне на службе, имел, может быть, и капиталец, прикопленный на службе; во всяком случае, его единственная наследница была завидной невестой для Болотова. За столичным и более знатным родством наши герои не гнались, а считали для себя более прочным и хозяйственным скромное сватовство в своем уезде; по соседству все знали друг друга и могли до мелочей взвешивать семейное и имущественное положение жениха и невесты. Именьица Мавры Степановны были близ самого Дворенинова и прекрасно округляли владения жениха; одно маленькое заброшено было далеко, в Чернском уезде, зато больше других обеспечивало помещика хлебом. С своей стороны, Тимофей Петрович был юноша деловитый, с немецкой выдержкой; еще в малых чинах он исполнял особые поручения Петра I; полковник не искал другого зятя, и отцы могли ударить по рукам. О любви здесь, конечно, не было и речи; молодые люди вряд ли и видались когда-нибудь, разве в детстве. Порешив дело, молодой Болотов покатил домой в Каширу, и в Калитине дед Бакеев обвенчал внуков. Мавра Степановна оказалась нравом не из кротких и умом не из дальних и немало докук доставляла мужу; но в старину из этого несчастий не делали.

В 1720 году выступают представители второго поколения XVIII века, молодежи, родившейся в эпоху преобразований и воспитанной на новый манер. Это воспитание очень немного давало само по себе. Мы знаем, чему могли научиться Болотов с братом в рижской Domschule того времени при общем упадке образования в крае. Нужно было внести много собственного содержания, таить в себе глубокую потребность в знании, чтобы с такой подготовкой развиться в деятельного, всем интересующегося полковника елизаветинских времен, каким сделался отец мемуариста. Немецкой школе, в сущности, нечем было похвастаться; для дельного юноши петровских времен она могла только иметь значение первого толчка. Но время уже было такое живое, впечатление общественного поворота так сильно, что в самом ученике, как это часто бывает, воспоминания о школе совсем спутались с тем, что он сам внес в свое образование; ведя от нее итоги своей умственной жизни, он невольно идеализировал ее и заразил этой идеализацией своего сына. Подобно многим современникам, обладавшим отзывчивостью и гибким нравом, Болотов охотно перенимал у немцев все, что находил у них полезного и интересного, скоро догнал их по умственному развитию и сумел сделаться уважаемым членом и родного, и немецкого общества.

Офицером Тимофей Петрович перешел из драгунского полка в гренадерский полк де-Ласси, скоро переименованный в пехотный Белозерский, стоявший тоже в Риге и прибалтийском крае; офицер петровского кондуита, то есть на все способный и всегда исполнительный, он получал исключительные поручения: в 1722 году собственноручным приказом Петра I ему поручили отвезти немецких жнецов из города Риги в степные места, где их работа должна была служить образцом для русских. Ему не удалось получить боевой закал отца и тестя. Тогда после Ништадского мира настало затишье в военной деятельности, длившееся и при двух первых преемниках Петра Великого; армия с трудом поддерживала боевую подготовку, насколько могла при частых отлучках на разные технические, совсем не военные работы. Тимофей учился по традициям и временным упражнениям, но сумел до тонкости постичь фронтовую науку. За обходительный характер, уменье ладить со всеми он был любим в полку, а за исполнительность и аккуратность – начальством, особенно немецким. Симпатии к немцам и немецкому обществу навсегда и глубоко залегли в нем; он завел себе прочные дружественные связи и знакомства в остзейском крае. По этим симпатиям он оказался вполне подготовленным к положению дел, созданному воцарением Анны Иоанновны. Новое царствование очень бла-

готворно отразилось на его карьере, отчасти именно тем, что влияние многочисленных немцев подвергало тогда порядочным испытаниям гибкость русского человека.

Как известно, в противовес старой петровской гвардии решили учредить новый гвардейский полк, Измайловский; Левенвольде, которому было поручено это дело, набирал офицеров преимущественно из остзейских немцев и из особо рекомендованных лучших людей армейских полков. Белозерский поручик Болотов, аттестованный немецкими приятелями, попал в число избранников[67], и здесь-то вполне оценили его аккуратность и выдержку. Сперва майором одного из батальонов, а затем командиром полка сделался Густав Бирон, младший брат фаворита; типичный немец-фронтовик, тупой, без всякого образования, но благодушный, он сам был олицетворением мелочных распорядков, какие вводились в полку: аккуратное хозяйство в узко полковых интересах, фронтовой формализм, ученье по темпам, как по камертону, внешний вид подтянутости строго по форме. Во все это погрузился Болотов, и очень удачно. Командир отличал его от прочих русских и оставил в подчиненном самые приятные воспоминания. Правда, Густав по характеру вовсе не походил на старших братьев: по форме строгий, он при всей своей ограниченности был все-таки отец-покровитель своего полка; тем не менее отзыв о нем в записках звучит довольно странно; мрачных преданий о бироновщине не существовало для семьи Болотовых, и сын Тимофея с умилением восклицает: «Один из славных наших Бирона любил его особливым образом, и он был у него в милости»… Как же наивно, просто и легко умели чисто русские люди сживаться со всякими порядками.

Тогда в русском военном деле Миних властвовал почти единолично, без противовеса; будучи в своей сфере головой выше своих современников, он заготовил много нововведений, но брался слишком за много дел сразу, а потому многого не успел провести; его система строевого обучения при Елизавете была тотчас заменена старой петровской. Немецких выходцев в его время принимали на службу массами и без разбора, а с ними вместе быстро входили в обычай палки, батоги и широкое применение шпицрутена. По мнению некоторых военных историков, злоупотребление палочной расправой не имело ничего общего с военным уставом Петра Великого; оно введено немецким авторитетом, проводившим то механическое начало немецкого строя, излишеств которого старался избежать преобразователь в своем регламенте. Вполне ли справедливо это мнение, не беремся проверять; но оно вполне согласно с отзывами французских военных прошлого века, которые называли вымученную телесными наказаниями дисциплину «la discipline à la prussienne»[5].

Успехам палочной дисциплины много помогали перемены, происходившие в составе армии; они клонились к выгоде дворянства, понемногу переставшего быть главным военно-служилым элементом; масса нижних чинов набиралась из податных и крепостных сословий, с которыми не церемонились в обращении.

Но боевой дух и выносливость, воспитанные петровскими войнами, еще крепко держались. Даже напоказ вымуштрованный Измайловский полк, помня старые предания, стойко выдержал мучительные крымские походы Миниха; его отправили на войну по личной просьбе самого командира Бирона. Измайловцы сильно пострадали под Очаковым; разбитый семейным несчастьем, Густав нарочно искал смерти. Самый талантливый офицер полка Кейт был тяжело ранен. За это Очаковские ворота, в которые вошли гвардейцы, названы Измайловскими.

Походы тяжело отзывались на служащих и на настроении их семей. Жены ездили провожать мужей в украинские города. Мавра Степановна в 1738 году караулила в Нежине возвращение войск, чтобы повидаться с мужем. Оттуда уже осенью она отправилась в Дворениново и там 7 октября родила сына

Дисциплина по-прусски *(фр-)– — Примеч. ред.*

[5] Дисциплина по-прусски (*фр.*). – *Примеч. ред.*

Андрея, литератора и мемуариста. Рождение наследника привело родителей в восторг; оба они были уже немолоды, не надеялись иметь еще детей, а в живых у них остались к тому времени только две дочери; мальчики умирали. Справив крестины, Болотов спешил к полку, который готовился к третьему походу. К великой радости семьи, он вышел цел из Ставычанской битвы, принудившей к сдаче Хотин.

Едва отпраздновали заключение мира, Болотов отправился в новый своеобразный поход, более приятного свойства: его командировали в северо-восточные губернии объявлять по городам об этом радостном событии. Путешествие было тяжелое по торопливости, с которой совершалось; педант Бирон, забывая о русских дорогах и губернских порядках, обыкновенно не давал своим офицерам ни отдыха, ни срока, бомбардировал их ордерами, понуждая скорее оканчивать «что надлежитъ» и ехать к полку. У него душа была не на месте, если его офицер не стоял при своей роте. Такие посылки бывали весьма выгодны вестникам радости: города подносили им ценные подарки и деньги. Тимофей Петрович был вполне доволен результатами своей поездки.

За крымские походы его произвели в капитаны гвардии, чин, равный полковнику армии. Теперь ему, незнатному человеку, нечего было больше делать в гвардии, где жизнь была дорога, а служба неприбыльна. Приобретенные в Петербурге знакомцы и покровители, сильные люди, как Шепелев, де-Ласси, выхлопотали ему более выгодную службу: в 1740 году Болотов был сделан командиром Архангелогородского пехотного полка. Положение всей семьи сразу весьма выгодно изменилось; полковник получал 600 рублей жалованья и имел, кроме того, доходы с полкового хозяйства, так что его почтительный сын с большими оговорками допускает, однако, что отец «почти» только жил одним жалованьем; на стоянках его ожидали почет и комфорт; он мог возить с собой жену и детей и расставался с ними только в Петербурге или в лагерное время.

Архангелогородский полк квартировал все в том же прибалтийском краю, с которым так свыкались наши герои; вследствие этого среди солдат и особенно офицеров оказывалось очень много немцев; впрочем, встречались среди них и заправские россияне, не говорившие ни слова по-немецки. В начале царствования Елизаветы Петровны, когда, в силу реакции, так легко вспыхивало ожесточение против немцев, такое разнообразие в составе полка сильно усложняло командование. Самая сильная вспышка произошла в Финляндии именно в то время, когда Архангелогородский полк был выдвинут в числе прочих против Швеции, под общим командованием болотовского однополчанина Кейта.

Время и нравы были еще весьма грубы, в обществе не сложилось еще никаких прочных отношений, а потому, если мы и откинем кое-что из хвалебных отзывов сына об отце, зная заранее, что сын не любит распространяться о темных сторонах бытия человеческого, но и не сочиняет своих отзывов, нельзя не признать почтенных достоинств командира и человека, каким рисуется в записках Тимофей

Петрович. В звании полковника он прослужил все последние 10 лет своей жизни (умер в 1450 году); он отлучался от полка только раз – на все время второй ревизии, когда заведовал переписью населения Псковской губернии и разъезжал по ее уездам. Достигнув самостоятельного положения, Болотов является вполне самим собой, сложившейся цельной личностью. Не обладая никакими особыми талантами, это лучший тип из средних людей, добросовестный самоучка петровского образца, достигший возможного в его положении умственного развития; он отзывчив на все, что исходит из просвещенной среды, гибко поддается требованиям времени. Такие люди бывают прекрасными передатчиками между сталкивающимися культурными веяниями. Отлично прилаживаясь к немцам, полковник онемечился ровно настолько, сколько это считали полезным по традициям века реформ. За 10 лет службы в гвардии он дал немцам вволю мудрить над собой; ценил таланты и трудолюбие Миниха, де-Ласси, в ближайшем командире Густаве Бироне ценил внимание, преданность службе; охотно простил им

педантизм и мучительную придирчивость. Но, избавившись от их гнета, он обратился к образцам юности и стал служакой дельным без педантизма, авторитетно строгим, но с воспитанностью и выдержкой, редкими и в иностранцах. В качестве чина крупного и самостоятельного Болотов уже не давал немцам спуску, если они пробовали над ним ломаться; против нарвского коменданта Штейна, не пропустившего его полк через крепость, он поднял целое дело. Он воспитался, жил и умер на службе, а потому знал ее «с фундамента» и был, прежде всего, деловит и практичен, содержал полк исправно, но вовсе не напоказ, без мелочности и щегольства, понемножку входившего в обычай при императрице Елизавете.

Продолжительное мирное время дало ему возможность ввести разные технические и эстетические усовершенствования; он завел мастерские и ремесла в полку, так что его солдаты сооружали целые рессорные экипажи. Большой любитель музыки, Болотов сам играл на «флейтузе», и его заботами полковые оркестр и хор были в прекрасном состоянии; кроме того, он устроил особый хор певчих из солдатских детей и писарей и комнатный оркестр из духовых инструментов – флейт и фаготов; его мягкими звуками он увеселял духовенство тех городов, где стоял; эта музыка так и называлась архиерейскою. Болотов-отец любил общество, умел сходиться с людьми и был гостеприимный хлебосол, несмотря на свои небольшие средства; эта общественная сторона его жизни любопытна тем, что некоторыми чертами уже напоминает нам XIX век – широкое гостеприимство, приемы командиров и всяких самостоятельных начальников, уменье соединять общество, входящие до сих пор в служебные обязанности высших чинов нашей провинции. Устраиваясь в городах с полком или один по особо важной командировке, как во Пскове по делам второй ревизии, он поступал сообразно с своим чином, делал обеды местному архиерею, воеводе и всем губернским чинам. Полковник не отказывал себе в обществе по обычным дням; несколько человек офицеров и местных помещиков, с которыми он всегда знакомился на всех стоянках, ежедневно бывали за его столом. Беседа с разумными иностранцами, говорит сын, была его любимым отдыхом. С остзейскими помещиками он беседовал о сельском хозяйстве, интересуясь им издали, прикованный к своему полку.

В книжном ящике, который разбирал Андрей Тимофеевич после смерти отца, нашелся рукописный перевод «Лифляндской экономии», отрывки истории этого княжества, свидетельствующие о том, что представитель поколения, воспитанного реформой, занимался всем, что могло заинтересовать русского на новой украйне. Ящик был полон книг, но сын запомнил только три-четыре заглавия из тех, которые оказались доступными его 12 годам: «Сокращенная история Курраса», «История походов принца Евгения», перевод «Истории Лифляндии» и «Лифляндской экономии». Не мешает сказать несколько слов о «Лифляндской экономии». Если она действительно переведена самим полковником, то перевод этот сделан им не случайно и не им одним. В русском обществе 30-х и 40-х годов прошлого века с наступлением более мирного времени появился, должно быть, интерес к немецкому сельскому хозяйству. В Москве в Румянцевском музее хранятся два рукописных экземпляра перевода этой экономии. Первый представляет прекрасно переписанную рукопись в лист с заглавием: «Лифляндская экономия, переведена с немецкого на российский язык химии профессором Ломоносовым. В С. П. 1747 г. С подлинной списана из дому баронов Черкасовых». Мы не нашли этого перевода ни в одном списке трудов Ломоносова; может быть, он был сделан для какого-нибудь лица и потом разошелся в списках по рукам. Во всяком случае, произведение, удостоенное подписи знаменитого академика, почиталось в свое время полезным для русской публики. Начало этого произведения – нравственно-догматического характера: оно трактует о должности христианской вообще, со ссылками на Священное Писание и поучает: «кто славен добродетелями, тот у Бога большой дворянин». Относительно образования ставятся идеальные требования: староста, приказчик или просто богатый землями крестьянин должен знать, кроме грамоты, по крайней мере тройное правило. Далее «Экономия» трактует о порядке сельских работ, о содержании усадьбы и зданий с такими подробностями, что даются советы и о выведении клопов.

Последняя часть заключает всевозможные хозяйственные рецепты. По-видимому, рукопись Черкасовых – верный список с перевода, сделанный одной писарской рукой.

Другая рукопись представляет только перефразировку той же «Экономии»; она писана разными лицами в разное время, начиная со второй половины XVIII века, и кем-то приобретена в последний раз в 1826 году. Тут сельские хозяева прибавляли много своих собственных заметок; выписок из календарей, гадательных книг и проч. Видно, что «Лифляндская экономия» нравилась нашим помещикам.

Воспитание петровской эпохи сказывалось еще в полковнике Болотове его любовью к географии, к чертежам и картам, во внимании, с каким он заботился о занятиях сына по этой части. Итак, повторяем, это был отрадный представитель средних людей своего времени. Чувство собственного достоинства, известная воспитанность приятно отличали его от современников и родичей[68]; его серьезная деловитая внушительность была очень привлекательна для приятелей; его помнили, о нем прекрасно отзывались все, кто имел с ним дело, начальники и подчиненные, немцы и русские; сын много раз в этом убеждался. В сношениях с людьми, которых считал нужным держать в руках, он был суров и авторитетен; оба зятя, довольно пустые дворянские сынки, боялись его; дети почитали и любили; Болотов был хорош и справедлив с ними, а единственный сынок на правах своего положения был запросто с родителем, хотя знал, что тот строго взыскивал за лень и глупые шалости. Он умер в 1750 году на службе в Выборге, где стоял полк, и торжественно погребен в самой соборной церкви. При нем был тогда один 12-летний сын. Это событие сильно повлияло на его будущность: записанный восьми лет в солдаты, он успел получить только чин сержанта и должен был сам, без покровительства отца, выслуживаться в офицеры.

Тимофей Петрович оставил сыну 343 чети в поле земли в разных уездах, не считая клочка, приобретенного им в шацких степях, и не менее 60 крепостных душ; последнее число дает список офицеров Измайловского полка. К сожалению, ревизские сказки по Кашире первой и второй ревизии не сохранились до нашего времени, и потому нет возможности точно определить население родовых болотовских деревень; приходится прибегать к случайным указаниям документов разных времен. Для службы в гвардии, а затем для звания командира полка такое состояние было весьма незначительно, особенно при малодоходности каширских земель. Чтобы увеличить свои доходы, братья надумали завести деревеньку на степном просторе в Шацком уезде. Есть указание, что Тимофей у кого-то купил там всего 10 четей в поле; Матвей Петрович ничего не покупал, но они вместе заселили жалкий участок дворами; переводили ли они крестьян из других невыгодных деревенек или просто завлекли сюда бродивших беглых или вольных людей, неизвестно; только в 60-х годах на половину мемуариста здесь приходилось 10 дворов с 35 душами мужского пола. Кругом деревушки тянулась на десятки верст непочатая степь, покрытая ковылем, и на ней-то водворенные барским иждивением мужички пахали и косили вволю, сколько сил хватало; сами кормились и снабжали хлебом своих помещиков.

Вот вместе с 600 рублями жалованья состояние небогатого полковника, не касаясь неофициальных доходов; на это он жил хорошо, откладывал дочерям на приданое, платил 100 рублей с лишком в год за обучение сына в пансионе; но не возил всей семьи в Петербург: там содержание семьи было ему не по средствам, а лишних доходов он не брал. При всем своем хлебосольстве он обходился дома полковой прислугой, из крепостных держал при себе только троих людей. Семья радовалась, когда Архангелогородский полк стоял в остзейских провинциях; здесь, на мызах помещиков, имелись хорошие дома, отделанные чисто и с комфортом, с мебелью и гарусными обоями. На эти удобные квартиры Мавра Степановна выезжала заблаговременно, по хорошему пути, медленно перебираясь на своих подводах из уезда в уезд. Перед походом в Петербург или в Финляндию, где не было помещичьих усадеб, она отправлялась тем же путем в Дворениново.

Веселее всего жилось семье во Пскове, когда полковник заведовал ревизией. Там вышла замуж его старшая дочь, уже 20 лет от роду. Отец не торопился выдавать дочерей; он твердо решился не дробить своих имений и не определил им на приданое ни клочка земли и ни одного крестьянского двора; на хороших женихов в своем уезде поэтому нельзя было рассчитывать; приготовив им в приданое небольшую сумму денег да рухлядь, приходилось отпускать их куда-нибудь вдаль. Главной приманкой для женихов был чин отца и его слава как достойного человека и семьянина. Во Пскове нашлись знакомцы, которые рекомендовали дочку Болотова местному помещику Неклюдову; юноша был из самых простых недорослей, служил сержантом в рижском гарнизоне, но имел хороший достаток; чтобы остепенить его, родные искали не богатой невесты, а девушку из хорошей, строгой семьи. Свадьба устроилась. Болотов занялся карьерой зятя, перевел его к себе в полк и произвел в офицеры.

По поводу этой свадьбы в Псковской провинциальной канцелярии у крепостных дел была явлена сговорная запись. В ней сказано, что полковник благословил свою дочь Прасковью образом Казанской Божией Матери в серебряном окладе, дал деньгами 300 рублей да приданым шитьем на 300 рублей. Наряды модные, немецкие, и поражают только странными сочетаниями цветов. Самый нарядный туалет – шлафор[6] объяринный[69] зеленый на юбке такой же алой; второй шлафор алый, юбка голубая; полушлафор желтый полуобъяринный, а юбка зеленая тронценелевая; всего четыре шлафрока и три полушлафрока. Парадные материи здесь по большей части теже, какие мы видели на епанчах и телогреях XVII века.

Выше перечислены туалеты показные, парадные. Обычная одежда тогдашних средней руки помещиц представляла смесь русского с немецкими образцами; дома носили бостроки или кофты со складками, шугаи, головы украшали низаными передками. У нашей невесты из повседневного наряда находим только канифасные балахоны. Имеются еще пять корсетов[70], один объяринный, два штофных; три головных убора кружевных, шесть шитых шапочек, лисья крытая штофом шуба[71] и две пары соболей.

Золотых вещей мало, трое золотых серег, одна пара с алмазами, два кольца. Видно, жених действительно не смотрел на приданое; второй дочери на ту же сумму 600 рублей дали как будто больше. И той и другой определили по равному числу дворовой прислуги: один холостой слуга, одна степенная вдова для присмотра (наприданая нянька) и три горничные девушки.

Вторая сестра вышла в 1747 году. Эту свадьбу устроили свои полковые офицеры на винтер-квартире в Эстляндии; жених опять оказался мелкого чина: того же полка сержант Травин, небогатый тверской помещик. По сговорной записи Марфе Тимофеевне дали три образа в серебряных позолоченых окладах да крест с мощами. Туалеты ее моднее сестриных; каширская маменька, видимо, присмотрелась к заграничным костюмам и, вероятно, пользуясь близостью столицы, подновила, что было припасено; к объяринным шлафрокам появились юбки полегче, грезетовые, парценелевые, штофные; первый шлафрок вместе с юбкой составляют цельный пунцовый туалет. Нет уже в этом приданом азиатского сочетания цветов. Есть постоличному модный туалет – серебряный газ на малиновом полушлафроке при черной гарнитуровой юбке; один корсет шит серебром; к этому являются у сержантши корнеты с золотыми лентами. Ее трое серег аттестованы новоманерными; у Марфы имеется целый серебряный убор и четыре золотых кольца; зато, впрочем, у нее нет соболей. Еще новость: для мужа в ее приданое включена дюжина рубашек ворантдорского полотна; кроме того, ткацкие три скатерти с салфетками. Шуба, постель, дворовые люди, как у сестры. На пространстве трех лет заметно некоторое развитие вкуса и опытности в семье.

[6] Шлафор, шлафрок *[нем.* Schlafrock; устар.) – домашний халат. – *Примеч. ред.*

Подобное приданое при начинавшей уже развиваться роскоши среди дворянства считалось скромным. «Самого движимого приданого дано было весьма умеренное количество», свидетельствуют записки.

Воспитание в XVIII веке

Приступая к этой главе, всякий читатель уже заранее ожидает, что встретится здесь со многими тяжелыми явлениями, с такими искусами юных душ и организмов, какие совсем не под силу молодым поколениям нашей эпохи; тогдашние общественные отношения, при слабом влиянии науки на западе и его полном отсутствии у нас, вырабатывали иной нравственный склад. Уже многие и тогда сознавали все недостатки воспитания; писатели-моралисты, особенно сатирики прошлого века, ядовито бичевали и родителей-воспитателей, и учителей, и школьные приемы своего времени. Это одна из самых любимых и самых разработанных тем нашей русской сатиры. Судя по отзывам сатириков, можно, пожалуй, подумать, что нелепые преподаватели из кучеров и сапожников выпадали главным образом на нашу бестолковую русскую долю; что только у нас, в старой крепостной России, могли так безгранично царствовать розги и плети дьяков брудастых, штык-юнкеров[7] и немецких каторжников и прочее, что только у нас поступали на службу едва грамотные мальчики. Едкое сознание пороков своего общества – большая заслуга лучших людей прошлого века; но теперь, подводя итоги прошлого, желательно прежде хотя бы в кратких чертах наметить, что в этих темных явлениях нашего, национального, и что составляло еще общее достояние всей эпохи. Ради этого при обзоре учебных лет русского юноши полезно иметь в виду, как шло воспитание на западе и у наших ближайших соседей в Польше и прибалтийском крае.

Философия и этика достигли в XVIII веке высокого развития, а главное – широкого распространения; они захватили в круг умственной жизни целые массы общества. Во всех уголках Европы с восторгом принимали горячую проповедь французских философов об уважении личности человека, свободы мысли и слова, религиозных убеждений; с другой стороны, в Германии приобретали широкую популярность учения немецких мыслителей об обязанностях человека к самому себе и к ближним, об обязательном внутреннем самоусовершенствовании и прочее. Но на деле в повседневной жизни еще туго прививалось простое человеческое отношение сильного к слабому, старшего к младшим; древнее право сильного заметно сказывалось в семейных и общественных отношениях. Если кое-где мелькало сознание, что пора изъять подрастающие поколения из-под гнетущей власти сильных и старших, ввести больше сдержанности в обращение с детьми, поставить их рост в более разумные условия, то и на западе, не только что у нас в России, не оказывалось наготове средств, с которыми можно бы было выполнять новые, зарождающиеся задачи воспитания; долго не создавалось для них исполнителей, и лучшие мыслители-педагоги своего времени оказывались бессильны в практическом применении новых теорий. И на западе мы нередко встречаемся с такими же мрачными сторонами в воспитании и школьной жизни, каким привыкли дивиться в родных литературных памятниках прошлого века. Недаром великий Кант говаривал, что детство в тот век было временем ига египетского: «Eine wahre ägyptische Hochzeit»[8].

Во Франции во всю первую половину века в школах для среднего и низшего класса сохранялись в силе чуть не средневековые предания школьной педагогики, хотя потребность в образовании, а тем более в грамотности, здесь давно сложилась. До революции, заключает Тэн, говоря о среднем образовании, во всяком департаменте было по нескольку коллежей; учили в них даром; платили только полные пансионеры от 300–500 франков. Если мелкий землевладелец не мог платить 800 франков, то отсылал сына в знакомую семью буржуа того городка или ремесленника с платой по нескольку ливров в месяц. Под конец царствования Людовика XV крестьяне и мастеровые начали посылать сыновей в такие коллежи маленьких городков,

[7] Штык-юнкер – младший офицерский чин в русской артиллерии XVIII в. – *Примеч. ред.*

[8] Буквально – «настоящая египетская свадьба» (нем.). – *Примеч. ред.*

где жизнь была еще очень дешева. Население серьезно ценило образование, а между тем из окон школ еще слышались шлепанье розог, крики, стоны и рыданья[72]. В конце XVII века от высшего начальства получались уже инструкции школьным учителям наказывать умеренно и с разбором, а по рукам и в XVIII веке еще ходила популярная гравюра-реклама, изображавшая немецкие волчки и толпу школьников с надписью[73]: «Чем больше их бьют, тем лучше они действуют». Гравюра оправдывала существование многих свирепых педагогов, один вид которых внушал ужас школьникам. Современники говорили, что после известных своей жестокостью шотландских учителей французские были самыми ярыми экзекуторами; многие из них являлись только случайными педагогами. Один состоятельный обыватель города Апжу[9] рассказывает, что начал учиться в школе сборщика городской таможни, оборванного, бедно одетого старика, от которого издали несло водкой и табаком; но этот старик обладал недюжинными педагогическими способностями и в 10 месяцев выучивал ребятишек читать, писать и считать. За учебное дело брались самые разнообразные люди: учили мастеровые, потерявшие способность к физическому труду, учили набожные старые девы, бесхитростно передавая нескольким ребятишкам все, что сами знали; но были учителя-специалисты, называвшие себя учителями письменности.

[9] Вероятно, имеется в виду г. Анже во Франции, в исторической области Анжу. – *Примеч. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.